

10 října 1931. — **Volné Kozáctvo** — Ročník IV.

90

10-го октября 1931 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

10-го жовтня 1931 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 4-ий

Х. Титон

1. The Cossacks and the Cossack question.
2. А. Ленивов: Исторические судьбы Казачества. (Historické osudy kozáctva).
3. Вл. Куртин: Пластуны. (Kozáci).
4. В. П. Елисеев: Кто виноват? (Kdo vinen?)
5. И. Билый: Не клеветайте! (Nekleveďte!)
6. Последний договор Атаманов с Врангелем. (Poslední smlouva Atamanů s Vrangelem).
7. Відповідь п. Підгірному. (Odpověď p. Podgírnému).
8. Несколько слов „Кубанскому Краю“. (Nekolik poznámek „Kubánskému Kraji“).
9. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
10. Международная жизнь. (Mezinárodní život).
11. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
12. В Казаккии. (V Kozákii).

Почтовый ящик.

Болгария. — В. Д. — Получено. Спасибо.
 Швейцария. — П. З. — Получено. Привет.
 Париж. — **. — Спасибо.
 Югославия. — А. Ч. — Хорошо. Привет.
 Царгород. — К. З. — Одержали. Гаррад. Ві-
 таємо.
 Югославия. — Д. Л. — Получено. Присылайте
 еще. Привет.
 Dušníky. — В. Н. — К сожалению, не можем.
 Швеция. — А. С. — Получено. Спасибо. При-
 вет.
 Югославия. — И. Н. — Получено. Ответ —
 письмом. Привет.
 Бухарест. — С. М. — Получено. Спасибо. Привет.
 Польша. — И. М. — Высылается.

Монтаржи. — С. — Будет помещено в следу-
 ющем номере. Привет.
 Югославия. — Я. К. — Получено. Привет.
 Болгария. — А. В. — Получено. Спасибо. При-
 вет.
 Италия. — Н. П. — Получено. Привет.
 Югославия. — А. Ш. — Получено. Спасибо.
 Франция. — С. — (Пиринен). Посылается. При-
 вет.
 Земун. — П. К. — Ответ — письмом. Привет.
 Швеция. — А. Т. — Журнал посылается Вам
 исправно. Привет.
 Чикаго. — С. С. — Исполнено. Привет.
 Ницца. — И. С. — Исполнено. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Заечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопье.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12.
 Bukarest V.

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин, Конная, 76. (P. Kovgan, Harbin,
 Kona 76).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, ul. Bo-
 guszewska 5, m. 1.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul.
 Niemecka, 1. Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal No. 38, Porto
 Uniao — E. Sta. Catharina.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 9, rue du Chemin-Creux,
 Joinville le Pont (Seine).

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le
 Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour,
 Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine
 Apollinaire, Lyon-Vaise.

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 17, rue Katherine Favre,
 Monplaisir-Plaine. Lyon.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du
 Marechal Joffre, Cenon (Gironde).

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo,
 Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par
 la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.

Т. Л. Ляхов. София, ул. Царь Симеон, 28.

Н. В. Аниканов. Княжево — Софийско, б. Ц. Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

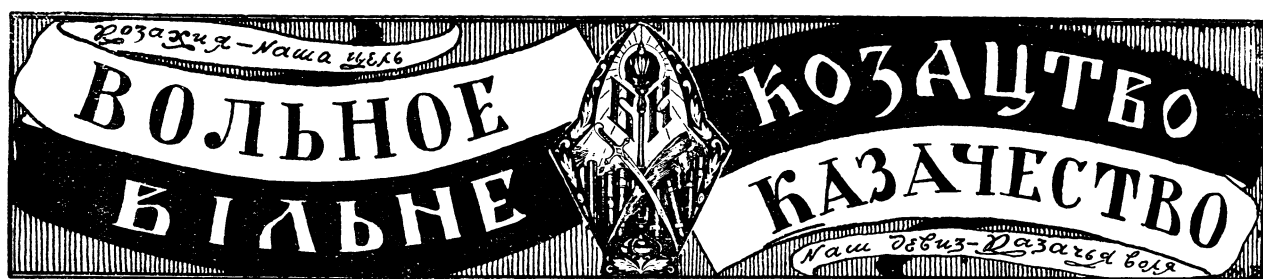
В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid
 Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d,
 Cleveland, Ohio (U. S. A.).

От редакции. Ввиду того, что были уже случаи, когда письма, адресованные ре-
 дакции В. К., не дошли по своему назначению, настоящим предлагаем сотрудникам и
 читателям в особо важных случаях посылать свои письма заказными.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchecoslovaquie.

№ 90

Суббота, 10 октября, 1931 — Субота, 10 жовтня, 1931.

№ 90

The Cossacks and the Cossack question.

I.

The great war has overturned empires, smitten down some of them, modified the political map of all the continents.

These profound changes seem to have been made under the inspiration of a highly vital and actual principle—namely that of liberating nations and organizing them into States. As a matter of fact, the national problem was put in full light in the famous fourteen Wilson clauses which became the centre of argumentation on the Peace-Congress, while the construction of new States was discussed.

Could these tendencies, these vivid watch-words with such a great suggestive force over all the Western and Central Europe lose their strength approaching the east frontiers of the continent? Of course, not. For Russia has never been a perfect unit. This enormous „scrap-empire“, as we can call her, showed dangerous symptoms of national disunion a long time before the war.

With the Russian revolution of 1917 there came for enslaved peoples the right moment to act. The bonds of a centralistic monarchy which were tying up the whole complex of separate and different nationalities — these bonds were torn. The loosened energy of oppressed nationalities, their longing for independence suggested to them ways wholly different from those Russians used to get free. And so it happened that the Russian revolution of 1917 gave to the numerous nationalities the signal to liberation. The national problem became very actual and acute. Indeed, it is quite impossible to study the Russian revolution without taking heed of the national struggles, for the main point of the revolution lies there. Almost all the nationalities of old Russia which have been already awakened to national conscience wrestled for their freedom in

so far, as it was possible in the conditions of a monarchic regime. Then the revolution, as it were, prompted their will to life, to efforts for their ideal of liberty. It was in this way that the Baltic States came into existence: they formed new States on the West frontier of ancient Russia and kept their freedom, thanks to propitious historical conditions. Yet the new born States along the eastern and southern frontier, as the Ukraine, the republics of Caucasus and several countries in Asia were shattered by the Bolchevik's invasion. Their territories got under occupation of the present Russian rulers.

Among nations which in their past struggled against the centralistic policy of the tsarism and then during the turmoil of revolution rushed into the battle were the Cossacks.

The wind of freedom blew strongly upon them. The problem of independent State-existence was put forward. Yet in the whirl of revolutionary events there were only two Cossack republics — the greatest of all — that succeeded in their organization. These were Don and Kuban. Don proclaimed by Constitution of 1918 its State independence. The same has been done by the Kuban-Cossacks who promulgated their Chart on the 5 (18) December 1918. Meanwhile the torrent of revolution grew deeper; its savage flood rushed with uncontrolled fury on the new States and washed them away; thus after a desperate heroic struggle Don and Kuban lost their independence, while other Cossack countries—Terek, Astrachan, Jaiick and Orenburg — which were on the way to it — had to yield to the sway.

It is noteworthy that the nationalities of the former Russian Empire got very soon (already in 1917—18) disenchanted with the revolutionary watch-words, so tempting at first. For the „great“ Russian revolution didn't act

otherwise towards the liberated nations as it was the case with the former monarchy. The revolution gathered forces to attack them and — what irony of fate! — brought unheard of losses and disaster in the ranks of new citizens not strong enough to repulse the blow.

We are bound to say all the Rnsstan governments since the revolution have equally strived against the nations that saw their ideal in political independence. Red Moscow, as well as her white enemies, are unanimous in their indomitable energy to drive all the nationalities behind the high walls of Russia „undivided and unite“.

The barbaric violence of the Bolchevik invasion had to be endured by the Cossacks perhaps more than by any other nation. The situation became still worse since white antibolchevik forces began to organize on Cossack territory. This complicated tremendously the Cossack cause, a place of war being created throughout the country.

When the struggle broke out the Cossacks had to fight on two lines, to fight against overwhelming forces. They were defeated, they failed and did not gain what they aspired at. Cossack troops partly got into hands of the red victors, partly had to cross the frontier and become refugees. With it there came into the country the new communistic regime. Cossack territories are ruined without mercy, Cossack people atrociously insulted, imprisoned, banished. As to Cossack emigrants who are found now all over the world, they bear courageously their heavy cross, and never give up their hopes of new struggles for freedom.

The failure of the Cossacks in the fight with the Bolcheviks is perhaps, in a certain measure due to the great European powers. England and France while supporting the Denikin white army and afterwards this of Vrangel used against the Cossack movement all their political and moral influence as well as their immense powers in the matter of providing guns and munition of every kind to antibolchevik forces. As all material help from the West was addressed exclusively to white armies the Cossack troops were obliged to submit under the commanding of „white“ cause.

Why did France and England so exclusively assist the Russian white armies and so systematically refuse all help to the Cossacks? It can be explained only by the fact they were at that time totally ignorant of the essential side of the Russian revolution — the claims of nationalities towards liberation. Our allies didn't know us, showed no interest to know. It can be said that even now European and American public opinion is very feebly informed on Cossacks, as a unit, as an individual nation, possessing national and political requests of a special kind.

Yet the struggle goes on. It is not yet finished

on the territories enslaved by Moscow dominators. Nations that at the outbreak of revolution have proclaimed their freedom shall never more yield to the domination of Moscow — be she red or white. The spirit of selfesteem, once raised, would not so easily die out. And it is not only liberation from the yoke of the Soviet regime that the nations of former Russia are awaiting so anxiously... Possibly, the fall of the Moscow communistical powers will be accompanied by a whole succession of risings of the „Limitrophes“ of the actual Soviet Russia. The events succeeding one another will take once more an importance far deeper than that of a struggle within a state. And then it is likely that vital interests of some European States should be entangled and so they would have to take part in the struggle...

In order to avoid repeating of such fatal errors which favoured the Bolcheviks to take grip of the nations it would be highly desirable European and American people should study the national questions of the East trying to learn the truth from the very source.

Therefore the principal aim of this article is to present some general informations on the Cossacks to the attention of foreign readers. A great many false and provocative reports being spread out from the circles hostile to the Cossack cause it is of great importance that foreign readers should hear the voice of Cossacks themselves, to get acquainted with their own wishes, with their social and political ideals.

II.

The population of Cossack territories is amounting to 11.705.900 persons. This means that in this respect the Cossack country is almost equal to such independent States, as Yugoslavia or Czechoslovakia and outnumbers many smaller European States (Bulgaria, Denmark, Lithuania, Holland, Belgium, Sweden, Switzerland, Norway and others). As we see, the Cossack countries are in possession of a sufficiently numbered population and could afford a State of their own.

As to the standard of civilisation among the masses of Cossack population, it cannot be said to be lower than that of many Western nations, while without doubt it is higher than the standard of some Balcanic nations. The general conditions of life in Cossackia when compared to those of the original Great-Russian population prove to belong to a higher scale.

To summarize it, the Cossacks of all the six regions are living in a dense mass occupying almost the whole of their historic territory. This geographical position as well as the circumstance that the Cossacks appear to form the most disciplined and steady element in the country, accounts for their prevalence throughout the country. It would be therefore natu-

ral to expect the Cossacks playing the conducting part in the great work of creation a new state.

The territory of the Cossackia occupies an area of 870.150 square kilometres, i. e. one hundred and thirteenth part of all the land on the globe. This extension surpasses, as we see, considerably even the greater European states (except Soviet Russia).

The frontiers of Cossackia are: in the East — the Caspian sea, about the whole of its North part; in the South — the Caucasus and the Black sea; in the West — the sea of Azoph and Ukraine; in the North — Russia.

Important rivers are irrigating the Cossack country — Don, Kuban, Terek, Volga and Oural with their affluents.

The soil is fertile.

As to topography the country presents a flat „steppe“, bordered with seas and mountains — Oural on the eastern side, Caucasus mountains on the South and westwards the Donetz chain.

Favourably situated, with excellent geological conditions, the Cossack territories abound in natural riches of all kind: corn, wood, cattle, fish, salt, coal, petrol, silver, iron etc.

As to politic neighbourhood, the Cossack lands are bordering as follows: in the West upon Ukraine, in the North-Russia, in East-Kirgeeses and Turkomen, in the South-Georgia and mountaineers of the Caucasus.

Economic importance of the Cossack territory for the world market is very considerable. Possession of harbours on two seas — Black and Azoph — makes a free opening for trade and industry; what more, a brilliant future of commercial development can be predicted to Cossackia because the country lies on the point where old trade-ways from Europe to Asia are crossing.

Being endowed with such convenient geographical position and with a great abundance of natural riches the Cossack country forms an economical unit that has every chance of a prosperous future, in the security of its own independence.

III.

The foreign reader has to hold in mind the notion of a peculiar ethnographi and racial type of the Cossacks, as a branch of the ancient Slavonic tribes which in times of old inhabited the extreme South-East of Europe. This branch formed a perfectly individual ethnic group which occupies its own place among other Eastern-Slavonic nations — Great Russians, Ukrainians and White-Russians. A short survey of the Cossacks history will best of all give an idea of this nation.

The vast lands of the Cossacks have in old times often been invaded by hords of Eran tribes which burst forth from Asia. As the Slavonians began to settle out of the wood

districts of the Dnieper, the Vistula, the coasts of the Baltic sea and the Carpathes, there detached from the south slavonic tribes a rather considerable group which proceeded towards the Don and the peninsula of Taman (the triangle between the Black and Azoph Seas and the Caucasus mountains). Meanwhile from the East new hords were in march. The plains of the Black sea have served for hundreds of years as highways for the militant nomades who migrated from East to West; some of them were only passing these plains and then squeezed out by stronger neighbours; others, who were stronger themselves, stopped there for a longer time. So did the Avars, the Khazars, the Petcheniogs, the Polovtsy, the Torks and Berendai.

The life of the Slavonic tribes newly settled had of course to undergo considerable modifications under the influence of new natural surroundings. The vast plains around, the vicinity of rapacious hords, their frequent attacks, permanent danger — all that compelled the peaceful Slavonic population issued from the woods to conform to the conditions of their new homes. By having to defend themselves they became gradually martial, like their enemies.

On the other hand these Slavonic tribes, belonging to a higher type of civilisation than these nomades influenced them too and often assimilated them. Some of the Eastern tribes, as Khazars, Torks, Berendai and a part of Petcheniogs and Polovtsy were totally dissolved in the masses of South-Eastern Slavonians.

The fusion of two cultures — Slavonic and Eastern and the fusion of two ethnic types — the Slavonic and the Turk — composed a new ethnical group differing from both Western and North-Eastern Slavonians as by their outward characteristics due to a great addition of eastern blood, so by their moral peculiarities.

Thus, in the time when Slavonic tribes settled in to nations, there issued on the confines of South-East a new branch of the Eastern-Slavonic family. It was composed from Turk blood and Turk culture dissolved in the Slavonic element; its centre was the Azoph. This region almost cutoff of the rest of the Slavonic world and untouched by the contact kept its originality.

Later, notwithstanding the evolution of the Slavonians who passed on from the patriarchal primitivity to higher social forms of life, with the development of trade and industry which called to life large commercial towns in the Azoph Russia the population kept the stronger to the deeply rooted customs of popular rights of „Vetche“ (A Common Council in several Russian regions). This ancient slavonic mode constituted later the base of the democratic practice of the Cossacks-descendants of the Azoph Russia. The ideas of fraternity,

equality, the love for freedom, so characteristic to Cossacks at every period of their history — these ideas took their origin in the profound spiritual sources of Slavonic traditions of self government fed by the danger of wild surroundings. Thanks to the said peculiarities the forefathers of the modern Cossacks — these Azoph Russians — were firm in maintaining their customs of selfgovernment and election of their chieftain. Curiously enough, this principle was kept unviolated even at the time when the monarchy of the Kieff dynasty of saint Vladimir settled in Azoph Russia. The two authorities — the Prince and the Common Council (Vetche) — melted in to a very original compromise, which established the Prince's authority sanctioned by the people.

The great Tartar invasion has destroyed the domination of Princes in the South-East of Europe while it strengthened it in the woody North-eastern districts of Russia where Princes were tributaries and Vassals of the Tartar Khans. This evidently helped very much the development of the self-government among the Slavonians of the Azoph plains. That's about this epoch that the newly changed historical surroundings gave ground to the formation of the Cossacks.

The wild nomadic plains came to play for the second time their remarkable part in the history of South — eastern Slavonians (Cossacks and Ukrainians). The population, deprived of their Prince, bereft of those forms of organization which took so many pains to be created stood now before a new threat of extermination. Hence the necessity of organizing their forces with regard to new conditions of defence. This very organization of the defence against the Tartars found its incarnation in the form of Cossack fellowship. Farther growth and strengthening of the Cossacks culminated in the act of foundation two powerful independent Cossack republics: the Zaporogue and the Don. Permanent conflicts with warlike neighbours have worked out this extraordinary qualities of warrior which up to the present time make the striking characteristics of the Cossacks.

The history of the Zaporogue Cossack Fellowship is up to the 1775 year indissoluble from the general mass of Ukrainian Cossacks. But after this date the Zaporogues migrated on the Kuban, settled there and so formed the issue of the actual Kuban Cossackship, making thus a part in the compact and territorially uninterrupted complex of Cossack regions.

As to the Don — Cossacks, they followed their own fate which was to colonize vast areas of land in the East of Europe and in Asia (Siberia), along the currents of great rivers.

After many historical peripeties the European Cossacks settled finally into six districts, said regions as it remains till the present day. These are: Don, Kuban, Tercy, Astrakhan, Oural and Orenbourg.

Finally, Moscow outweighed all the Cossacks. The Russian Tsar Petr I broke the might of the Don (in the year 1708) and Catherine II did it to the Zaporogues (in the year 1775).

From this time onward Russian policy remained ever the same: systematically and steadfastly it led the Cossackship to historical nonentity, as it leads at the present time to literal extermination.

In the last years before the revolution the royal government wanted the Cossacks to play the part of some special military class. The Russian governments after the revolution — particularly the Soviet-government — follow the aim to „discossack“ the Cossacks. Partly they simply exterminate people physically, partly isolate them in exile in the North of Russia or Siberia. At the same time Cossack countries are intensely colonized by new emigrants from inner Russia. Thus a most cruel violence is done to the Cossacks which threatens to exterminate wholly the entire nation.

Yet the Cossacks don't wish to die out. They wish to live; therefore they have to fight for their release.

IV.

As to the situation of the Cossacks under the communistic yoke of Moscow — it was already mentioned above. The Cossack country is at present suffering a severe occupation regime. All the original popular rights and customs are violated. Cossack territories have been included into the frontiers of the Union of Soviet Republics. The land of Cossack forefathers is taken away from the Cossacks and given up to peasants brought from the centre of Russia. All riches — superterranean and subterranean — of the Cossack countries are exported to the centre, while the population of the Cossack provinces is unmercifully robbed of all their property. All persons who try to express their discontent with the system of terror and violation are inhumanly persecuted — deported into concentration — camps, where they are literally worked to death in the ghastly timber — camps or shot in masses.

There is hardly such another cruelty to be found in all the history of mankind! And yet the Cossacks have not entirely lost their sensibility; the hardships they endure did not blunt their love for liberty. The fight against the enslavers. Open risings are now and then bursting out; concealed opposition of the population against hated foreign rulers goes on; it cannot be suppressed. Thus the Cossacks fight for their rights and freedom. The struggle proceeds sometimes openly — as an insurrection — sometimes it is under mining the authorities by a mute passive opposition. There are no Cossacks who don't wish to release from the red yoke — all the nation is longing for liberation. They believe the day of enfranchis-

sement will come. They have faith in God, in their own forces and in the solidarity of all the nations enslaved by Soviet Russia. They await the sacred hour when their voices would be heard... when they may manifest their will.

The Cossack Emigrants feel with their countrymen. They are working hard trying by their activity abroad to aid the cause of their country.

There are several political parties and groups among the Cossack emigrants. Yet no other of them succeeded to create a platform so clearly exposed, so radical, sound and so well answering to real Cossack needs as the organization „The free Cossacks“. Its aim is to formulate the ideas that underlay the aspirations of complete political release of the Cossacks and the creation of a Cossack State. The essential principles of „The free Cossacks“ are based on the proclamations of the Cossack Charts. Concretely they are expressed in the scheme:

Formation of a Cossack State — Cossackia.

According to this scheme the six districts of Cossack troops: Don, Kuban, Terek, Astrakhan, Oural and Orenbourg with the Calmuk district unite into a closely linked Federation and compose for the future a single allied State-Cossackia. Her frontiers (very rudely taken) will be: Ukraine, the Azoph and Black Seas, Georgia, Caucasus mountains, Caspian

Sea, Turkestan, Oural mountains and Great Russia.

The organization „The free Cossacks“ in their activity abroad is following the aim of formulating clearly and resolutely the essential tasks of the Cossacks; it is leaving the Russian point of view, which till now has ever so carefully falsified the real political ideals of the Cossacks.

The group „The free Cossacks“ has assembled almost all active people of the Cossack emigrants (except a part of intellectuals and former officers who are hopelessly russified). The success of the group is due to the fact that no other scheme except that gave

a Cossack solution to the Cossack question.

„The free Cossacks“ movement deserves to be known by the leaders of the European opinion... Notwithstanding unfavourable surroundings this group succeeded in lively work that goes on for three years, propagation of the Cossack idea, as well as consolidation and organization of Cossack forces.

He who wishes to understand the real Cossack question, has to get acquainted with the movement of „The free Cossacks“. For it united almost the whole of the outstanding intellectuals with the bulk of the plain Cossacks and became the spiritual centre of the nation — both among emigrants and the people under Soviet occupation.

А. Ленивов.

Исторические судьбы Казачества.

(Доклад, прочитанный в Париже 16 августа).

II.

Вольные казачьи республики Донских, Волжских, Терских, Яицких и Запорожских казаков являлись по весь период своего независимого существования — бельмом на глазу у Московской Руси. Логичным подходом к анализу взаимоотношений между Казачеством и Москвой, является прямая постановка вопроса — „что, собственно, дала Россия Казачеству и что, собственно, она взяла у последнего“?..

В первой части нашего доклада, мы специально ставили вопрос о том, что дало Казачество России по признанию самих же русских, теперь же попробуем разобрать вопрос и о том, что дала Россия Казачеству. Московское государство, подчинив себе Донское, Волжское, Терское и Яицкое казачьи Войска, провела в полной мере и степени экзекуцию политических прав Казачества, подведенного под ранг „служилого сословия“, управляемого военной администрацией; лишенного всех своих прав, преимуществ и, наконец, попросту обнищавшего хозяйственно. Что являло собой Вольное Казачество Дона, Волги, Терека и Яика до принесения присяги московским царям — то представляет собой разительный контраст с тем служилым Казачеством, в в которое оно (Вольное Казачество) превратилось в течении двухсотлетнего периода времени нахождения под властью Москвы.

„Донские казаки нижних и верхних городков и все Войско Донское Великому Государю крест целовали“ —

записано в исторических актах XVII стол. о присяге донских казаков московскому царю в день 29 августа 1671 года. С этого момента донские казаки становятся подданными Российского государства, которое до поры до времени не посягая на их внутреннее самоуправление, внутренний быт, накладывает свое veto (запрещение) на право политического убежища и на право внешних сношений. Московское государство устанавливает политический контроль за Донским Войском, деятельно наблюдая за тем, чтобы Войско не сносилось с другими народами. Параллельно с этим на территории Войска начинают строиться крепости, гарнизон которых составляют Московские войска. В 1703 г. Петр I особым указом подчиняет Азовскому губернатору на случай войны с турками — всех донских казаков; этим же указом предписывается донцам не сноситься с окружающими народами без ведома Азовского губернатора.

В 1671 г. одновременно с донскими казаками приносят присягу Москве и яицкие казаки. Проходит ровно пятьдесят лет и уже в 1721 г. Петр I вводит Донское и Яицкое Войско в подчинение Военной Коллегии. Тот же Петр I наносит жестокий удар и принципу казачьего внутреннего самоуправления: в 1700 г. Войсковой Атаман Лукьян Максимов, еще избранный Войсковым Кругом, уже утверждается Петром I, фактически же последним выборным Атаманом на Дону является Василий Фролов (1716—1723 г.г.).

Петр I, ведя напор против казачьей государственности, проводит на Дону и на Яике ряд следующих нововведений: а) не признает за казаками право на внеш-

нее представительство, именно, отменяет прием казачьих зимовых станиц.*) б) переводит казачьи Войска из ведения иностранных дел коллегии в ведение Военной коллегии (1718—1721 г. г.), с) подчиняет самостоятельную донскую автокефальную церковь ведению воронежского епархиального архиерея (1718 г.), d) издает первое писанное положение (регламент) по управлению казачьих станиц (1720 г.), e) учреждает „Войсковую Канцелярию“ (1722 г.).

В 1735 году на Дону появляется первый наказный Атаман Иван Фролов, а в 1738 году Анна Ивановна издает указ: „понеже мы за благо и потребно рассуждаем, при Донском Войске особливого для нынешнего военного случая, вместо наказного Атамана, которым до ныне войсковые дела управляемы были, определить Войскового Атамана: того ради Мы оного Войска старшину Данилу Ефремова за долговременные и ревностные ево Нам и предкам Нашим службы, в оный чин Войскового Атамана всемилостивейше жалуем“. И так, начиная от 1738 г., „Войсковой Атаман“ превращается в чин и всемилостивейше жалуются.

Елизавета Петровна превосходит в своих действиях Анну Ивановну и весьма радикально:

„... Данило Ефремов, сам желая Ея Императорскому Величеству услугу показывать, предоставил себя в случаях, бываемых по донскому пограничному месту, против неприятеля, Войском Донским командовать и во всяких нужных приключениях распоряжения чинить, и для того Ея Императорское Величество видя его в воинских и пограничных делах искусство, которому должен он и сына своего Степана обучать, пожаловала его, Данилу Ефремова, за многие его и верные службы, чином армейского генерал-майора, под которого командой доколе он жив, должен быть сын его, Войсковой Атаман Степан Ефремов, со всем Войском Донским, и в нужных делах по его ордерам и наставлениям поступать, и о всем им обще обстоятельно доносить Военной Коллегии“...^{*)}

Ровно пятьдесят лет тому назад т. е. в 1703 г. в Амстердаме вышел труд голландского вице-адмирала Крюиса (***) „Описание Дона и канала, предполагаемого для соединения Волги с Доном, с картою“. В этом труде, мы читаем следующее:

„Они (казаки) любят свои вольности и свое правление, в котором каждый казак имеет свое участие: по сей причине нет у них родового дворянства и подчиняются одному только начальнику, который избирается ими единогласно. Они называют его Войсковым Атаманом“. „Избранный казаками Войсковой Атаман подтверждается в своем звании от его царского величества, и если оно последует, то Атаман остается по смерти в своем достоинстве“.

Из приведенного видно, какая разница между временем Петра I и Елизаветы — Петр утверждал Войсковых Атаманов, а Елизавета дает не только пожизненный чин Войскового Атамана, но и передает его в наследственное обладание, от отца к сыну.

Указом от 15 февраля 1775 года, Екатерина II учреждает на Дону Войсковое Гражданское Правительство, повелевая: „к восстановлению в пределах Войска Донского желаемого благоденствия, учредить отныне для правления всех земных дел, Войсковое Гражданское Правительство, которому вверить все хозяйственное в пределах Войска внутреннее распоряжение, равным образом сбор всех установленных там доходов и расходов, также все до промыслов, торговли и протчия гражданскому суду подлежащие дела производить на генеральном во всем государстве установлении, с соблюдением данных оному Войску привилегий и состоять оному под управлением Потемкина.“

В 1772 году у яицких казаков Екатерина II отобрала право на самоуправление, уничтожив Войсковые Круги и назначая Войсковых Атаманов впредь своей

властью. В 1775 году во главе Яицкого Войска поставлены Войсковой Атаман и Войсковая Канцелярия.

„Сечь Запорожская в конец уже разрушена со истреблением на будущее время и самого названия Запорожских казаков“ — извещала Екатерина II в своем манифесте от 3 августа 1775 года.

При Павле I гражданские дела на Дону подчиняются Сенату и помимо этого вводится еще прокуратура.

Изданием в 1794 г. „Поряда Общей пользы“ для Черноморского казачьего Войска, правительством упразднило Войсковую Раду и дало начало раздаче Войсковых земель в частную собственность. В 1797 г. у Черноморского казачьего Войска — русским правительством отнято право выбирать Кошевого Атамана; с 1820 года Черноморское Войско вводится в подчинение командиру отдельного Кавказского корпуса и, наконец, в 1827 г. в Черноморском Войске Войсковой Атаман заменяется Наказным.

С 1797 года донские старшины получают права дворянства, реформы Войсковой Канцелярии (1800, 1802, 1804 г. г.) — приближают гражданское управление на Дону к общероссийскому губернскому типу.

22-го августа 1810 г. — император Александр I указывает, чтобы „Войско Донское в воспоминание высокомогущих милостей, ему дарованных, продолжало делать по древним своим обычаям церемонию единожды в год, в день св. Александра Невского, составлением воинского круга с выносом регалий и вычетом в оном круге Высочайших грамот — привилегий Войска, за отличную службу, оному дарованных“...

Итак — Войсковой Круг — перестал существовать на Дону...

В 1835 году было издано „Положение об управлении Войском Донским“ (Чернышевское). В этом положении указывалось, что впредь Войском управляют не Войсковые Атаманы, а Наказные Атаманы, которые и являются одновременно и главным начальником Военного Управления и председателем Войскового Правления, управляя Войском на правах Военного губернатора.

С 1837 года в Уральском Войске согласно Высочайше утвержденному распоряжению были уничтожены Войсковые Атаманы, а установлены Наказные Атаманы, коим мог быть только неказак, каковым (первым) и явился полковник Покотилло. В 1832 г. был назначен и в Гребенском казачьем Войске первый Наказный Атаман.

В 1870 году наименование Земли Войска Донского уничтожается и заменяется наименованием Области Войска Донского.

Положение об управлении Войском Донским от 1835 г., превратившее казаков в военных поселян, является собой начало продуманного, поступательного похода на казачество, имевшего своей конечной целью выработать особый тип конных войск русской армии, зовомых казаками.

В конечном итоге в период от 1835 г. по 1917 г. Казачество обнищало экономически, давилось морально, превращалось постепенно в военно-полицейскую силу, Казачество обезличивалось, Казачество насильственными мероприятиями Российской верховной власти — низводилось на нет!..

Один английский дипломат в своей книге „Revelations sur la Russie ou l'empereur Nicolas et son Empire“, Paris 1844 г., предсказывал — „Через двадцать лет донской казак в родном своем краю будет тем же, что сегодня представляет из себя москвит: стойкое и радостное довольство вольных поколений исчезнет и мы увидим казака согбенным под игом всех этих притеснительных учреждений, которые составляют удел русско-го раба“...*)

Сбылось или не сбылось это предсказание?.. Ответить на этот вопрос нечего, ибо действительность еще и сейчас проходит у нас на глазах.

За двести пятьдесят лет своего пребывания в составе Российского государства — Казачество „потеряло“ все свои казачьи вольности, потеряло право жить по своей воле, Казачество переставало быть Казачеством!..

*) В 1716 году.

**) Указ от 12 августа 1753 года.

***) Строитель русского флота в Воронеже, производивший по повелению Петра I прорытие Волго-Донского канала.

„Что греха таить! Отношение к казаку со стороны многих русских людей было снисходительно-покровительственное, как к низшему, во всяком случае неравному, а со стороны простого люда когда-либо отведавшего нагайки казачьей — и определенно враждебное“;*) говорит ген. А. П. Богаевский, который еще более конкретно высказывается в следующем: „Помните, что нас, казаков, никто не любит; ни русский народ... ни те, кто всегда смотрел на нас, как на нечто низшее, плохо воспитанное, грубое, кому нужно только „приказывать“... Не любят нас, хорошо помнят все темное в прошлом и охотно забывают все доброе, что казаки сделали для Родины...“ **)

В известные периоды „сдвигов“ социально-политической истории Казачества, роковую роль играли для последнего — свои-же, казаки, и главным образом, некоторые из руководящих лиц (высшей старшины).

„Помешался весь Казачий Круг —
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича
По прозвищу Стеньки Разина“...

Поется в казачьей песне на Дону.

„Для кого вор и разбойник,
А для нас казаков, Степан Разин, славный Атаман“...
говорится в другой казачьей песне.

Социально-политическая программа Степана Разина, защитника казачьих вольностей, была ясна и определена: разрушить Московское царство и на обломках его создать грандиозную казачью республику. Разиновщина кончилась крахом, сам Степан Разин был схвачен и доставлен на Москву, кем?... Своим, казаком, Войсковым Атаманом Корнилем Яковлевым.

80-е года XVII ст. на Дону, эпоха Разина еще не канула в лету... Дон и Москва, республиканское устройство на Дону и самодержавие в Московской Руси. Присяга донских казаков 1671 года мало подвинула дело освоения Дона со стороны Москвы, ибо ясно и определенно у известной части донских казаков определились „самостийные“ тенденции, во главе возникшей на Дону „партии независимости“ стали: Войсковой Атаман Самойло Лаврентьев, старшины Кирей Чюрносков, Кузьма Косой и т. д. Сепаратистическое движение на Дону потерпело фиаско, — „подвели под монастырь“ свои-же, казаки!.. Кто?.. Войсковой Атаман Фрол Минаев.

„За Дом Пресвятыя Богородицы, за святую веру христианскую, за свои души и головы, сын за отца, брат за брата, друг за друга“ — гремел голос Атамана Кондратия Булавина в лето 1708 по всему течению р. Дона.

На защиту погранных казачьих вольностей встал Атаман Кондратий Афанасьевич Булавин и погиб. Благодаря кому? Илья Зерщиков с своими приспешниками погубили великого казака, защитника казачьих прав.

Не разыгралась-ли подобная вакханалия и в наше время, на наших глазах?

— Калединский выстрел. Пробил пулей из револьвера свое благородное сердце Атаман Каледин. Почему? Не поддержали казаки...

Гибель Атамана Назарова, предс. Войскового Круга Волошинова — почему? — были свои-же, изменники Казачеству — Голубов, Подтелков и др.

Убийство в Ростове на Дону председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябова в день 27 июня 1919 г. Что заявило Донское Правительство по этому поводу? — „Убийцы будут найдены и понесут должное наказание“. И что-же: след убийц был найден, судебное следствие выяснило, что убийцы приехали и уезжали на автомобиле, принадлежащем Управлению Начальника Снабжения Добровольческой армии. Но убийцы не были найдены и след их был потерян стараниями ген. Богаевского, бывшего в то время Донским Атаманом.

Повешение Кулабухова на Кубани, роль Кубанского Атамана ген. Филимонова в этом „подлом действии“...

*) „Казачество“ — мысли современников о прошлом, настоящем и будущем Казачества, стр. 10.

**) „Вестник Казачьего Союза“ № 4. 1926 г.

Если самым большим „внешним противником Казачества была Россия, то самым большим „внутренним“ врагом Казачества была путаница на верхах казачьего управления. Идеология казачьих верхов сводилась к тому, что Казачество должно быть служилым, а не вольным, и это распространялось на большую часть казачьей старшины, конечно, за немногим исключением. Не избегло оной участи казачество и в наше время, казачья старшина (опять таки — есть исключения) имеет скрытую тенденцию — сохранить себе сословные интересы, привилегированное положение, основная-же масса Казачества понимает свою историческую миссию, как право верховного распоряжения своими судьбами с происходящими отсюда всеми следствиями.

Две различных идеологии, два различных мира!

И действительность нашего времени показывает уродливые проявления политического строительства бытия Казачества нашего времени.

С одной стороны „Дон — самостоятельное государство“, — с другой стороны во главе этого государства поставлен ген. Богаевский. Кубань и — Атаман Филимонов.

В тяжелые дни страданий распятого народа, когда решается вопрос о жизни или смерти его, во главе народа должны стоять лица, отвечающие условиям и требованиям данного исторического момента: являлись-ли такими лицами Войсковые Атаманы — Корнилий Яковлев, Фрол Минаев, Илья Зерщиков? — нет, они не были честными вождями Казачества, не является таковым и ген. Богаевский. Названным „казакам-Атаманам“ интересы России были дороже, чем интересы Казачества. Интересы России были бесспорно соблюдаемы.

„Ни одного казака кандидатом в Наказные Атаманы не представлять и казаков Атаманами не назначать“ — приказ императора Александра II. Дух казачьего национального самосознания убивался, низводился на нет, на сцену выпило „казачье сословие“, тлетворный символ времен пребывания Казачества в составе Российской империи, залившего кровью казачьи Края.

Историк проф. Сватиков*) пишет: — „Казачьи кости лежат и в долине Ламбарди, и под Парижем, и за Балканами, и у берегов Каспия, и в Германии, и в Грузии, и в Финляндии, всюду, куда Россия посылала вольных донцов“.

В настоящем нашем докладе, нет абсолютно никакой физической возможности описать все те походы и войны, в коих принимали участие казаки.

„Донские казаки беспрекословно несли свою тяжкую службу, сражаясь с врагами России во всех войнах“ (Сватиков).

Потоки казачьей крови пролиты во имя процветания России. Кем пролиты? — Казаками...

Потоки казачьей крови пролиты во имя порабощения Казачества. Кем пролиты? Русскими людьми!.. Пример: приказ Петра I от 19 июня 1708 года (кн. В. Долгорукову):

„Как будешь в Черкасском, тогда добрых обнадечь и чтобы выбрали Атамана доброго человека, и, по совершении оном, когда пойдешь назад, то по Дону лежащие городки по ней росписи разори и над людьми чини по указу: надлежит опустошить по Хопру сверху Пристанной по Бузулук, по Донцу сверху по Лугани; по Медведице — по Усть-Медведицкой, что по Дону. По Бузулуку — все. По Айдару — все. По Деркулу — все. По Калитвам и по другим запольным рекам — все. А по Иловле, по Иловлинской, по Дону до Донецкого надлежит быть так, как было“...

Плыли по р. Дону плоты с виселицами Петра I, увешанные казачьими трупами, маревом пожара пылала Донская земля купаясь в волнах крови: 10.000 донских казаков пали жертвой Российской государственности.

Спустя 65 лет после подавления Булавинского восстания, Екатерина II в манифесте своем от 3-го августа 1775 г. извещала: „Сечь Запорожская в конец уже разрушена, со истреблением на будущее время и самого названия Запорожских казаков“.

В наше время „наивные люди“ утверждают, что

*) С. Г. Сватиков „Россия и Дон“ стр. 191.

только большевистская власть сделала много зла в отношении казаков, но никак не старая власть царская.

„Казаки должны проститься с своим казачеством, для казачества является необходимым раствориться без остатка в общерусской массе... Дон, Кубань, Терек, Урал будут лишены содержания географическими наименованиями, безразлично звучащими для слуха советских подданных“ — пишут большевики,* узякони́в это на практике...

Где разница, где раздел между Екатериной II и большевиками? и там, и там — кровь, дым пожаров казачьих куреней, слезы обездоленных, обесчещенных жен, сестер, матерей, холодные трупы дедов отцов и сынов Казачества...

Приказ совета народных комиссаров, отданный в январе 1918 г., — не подобен ли он приказу Петра I? где разница, где пределы, где границы? — „С Казачеством бороться сильнее, чем с внешним врагом“ — подписывает оный приказ Л. Троцкий.

„Надлежит опустошить по Хопру, по Бузулуку, по Донцу, по Медведице, по Айдару, по Деркулу. По Калитве и по другим запольным рекам все...“ приказывает Петр.

Коварная политика русского правительства направленная к уничтожению казачьего духа, использует все.

Вспомните: Петр I использовал раздоры между донскими казаками и казаками Слободского казачьего войска (Изюмский, Острожский и др. под.). Екатерина II посылала на разгром Запорожья — полки донских казаков, памятуя о том, что времена усмирения Булавинского восстания еще памятливы на Дону. Та же Екатерина II при усмирении Пугачевского бунта, посылала тысячу украинских казаков в помощь ген. Бибикову, пишет последнему „в сих изстари ненависть примечена к Яицким“.

Возьмем последние времена: ген. Краснов в бытность Донским Атаманом, за агитацию против него, выслал с Дона генералов Сидорина и Семилетова, полк. Гушина. Прошел короткий промежуток времени и в Новороссийске сформировалась Донская партизанская бригада ген. Семилетова.

Цель этого формирования становится ясной, когда сопоставишь время „вынужденного ухода“ ген. Краснова с поста Атамана. Ген. Краснов ушел с Атаманства в день 1 февраля и в тот же день Семилетовская бригада прибыла из Новороссийска в Ростов на Дону, а 4 февраля была уже в Новочеркасске. Не подготавливали ли ее ген. Деникин для такой же „операции“, каковую по его приказу произвела Кубанская казачья бригада полк. Бурая над Кубанской Радой, вслед за чем, последовало повешение Кулабухова...

Ложь и бесстыдные демагогические заверения, что казаки в период 1919—1920 г. г. побросали свои родные края под давлением „большевиков“. Необходимо правде смотреть в глаза и говорить правду: да, казаки (почти поголовно) оставили свои родные места и вышли в эмиграцию под давлением большевиков, но не просто большевиков, а именно „русских большевиков“.

В 1919—1920 г. г. казаки уходили в эмиграцию не в первый раз. Напомним: в 1688 г. уходит с Дона на р. Аграхань — первая волна казачьей эмиграции с Дона; в 1692 году — вторая эмиграция донских казаков на р. Аграхань; в 1709 г. третий раз уходят донские казаки (Некрасовцы) в эмиграцию на Кубань; в 1708—1709 г. Волжское казачье Войско эмигрирует частью на Яик, частью на Дон, частью на Кубань; в 1708 году первая эмиграция Запорожцев в Турцию; в 1783 г. Великое Войско Кубанское эмигрирует в полном составе в Турцию.

В описываемые времена не было как будто большевиков, а была царская Россия, не от нее ли бежали казаки „куда глаза глядят“?

Пядь за пядью, шаг за шагом Московская власть прибирала „под себя“ славные казачьи Войска, происходил процесс закрепощения Казачества...

Российское государство живя и развиваясь, в конечном итоге своей агрессивно-захватной политики, доходило до тех естественных рубежей, за которые далее идти было нельзя — берега Тихого океана, пустыни

Китайского Туркестана, горы Афганистана, Турции. В связи с этим, во мнении российских государственных мужей „отпадала надобность“ и в самом существовании Казачества.

И если Казачество все-таки не было уничтожено еще до времен II-ой Российской революции (февраль-март 1917 г.), то только потому, что „государственные мужи России“ разумели под именем „Казачество“ отличную вооруженную силу не только против „внешних“ врагов, но и против „внутренних“ врагов Российского государства.

Напомним:

„... В наступившие тяжкие дни смуты, Донские казаки, свято исполняя завет своих предков — верую и правдой служить Царю и России — явили пример всем верным сынам Отечества“ (из грамоты царя Николая II в 1906 г.). „Ныне в тяжелую годину небывалой в летописи истории Государства Российского смуты, казаки, оставшиеся верными заветам своих предков, со всей силой патриотического порыва, с полным сознанием своего национального долга перед тяжело страдающей Родиной, в первых рядах ведут борьбу с разрушителями Русского государственного дела — большевиками“... (из грамоты адмирала Колчака от 1919 года).

Вехи пребывания Казачества в составе России: царствование Петра I, царствование Екатерины II, большевизм... Не приходится говорить о том, что Казачество понесло колоссальный урон в войнах с внешними неприятелями (турки, татары, немцы и т. д.) — это удел военной истории Казачества, но стоит всегда знать и помнить казакам о Петре I, Екатерине II, большевиках (не забывая конечно и многих других), ибо — это и есть самая подлинная социально-политическая история Казачества!..

„Казак еще вживе помнит, где казачья кровь поила сухую землю и где падали на нее слезы казачьих матерей, сестер и жен. И он страстно любит свою степь с этими красными пятнами вязели, с тихими извилинами речками, ериками, озерами, всю наполненную еще не переболевшими воспоминаниями о кровавой борьбе на два фронта, — киргиз и Азии с одной стороны, с другой нивелирующий Петербург с его ненавистным фрунтовым строем“... писал В. Г. Короленко.*

И странным-бы представлялось в наше время искать каких-либо иных путей для Казачества, чем достижение возможности идти казакам по своему „казачьему пути“ — „казачьей дороге“.

Казачество „служа“ во имя интересов России, положило много трудов, много жертв! Но что же получило Казачество взамен своего служения — России, российским царям, российской республике?.. Ничего — и это в лучшем случае, в худшем же было только одно и то же: „кровь, кровь, и кровь“.

В настоящее время происходит систематическое уничтожение физической и духовной мощи Казачества большевиками. Казачество гибнет... Что может его еще спасти! Только одно... — осознание своего Казачьего Я, понимание своих казачьих национальных интересов и, как завершение, создание казачьего независимого государства Казакии.

Мы вольные казаки — самостийники, веруем и исповедуем:

„Наш девиз — Казачья Воля.

Казакция — наша цель“.

Пробуждение казачьих масс началось, стремительно развивается стихийный процесс раскрепощения морального духа Казачества, происходит пересмотр всей идеологии Казачества, Казачество начинает выявлять свое настоящее лицо...

И мы — вольные казаки идя авангардом в грядущей политической борьбе за национальное освобождение Казачества и создание казачьего независимого государства — Казакии, обращаем внимание на то, что:

„... Если кровь нам проливать,
Так лучше за себя, дешевле нам
Свобода обойдется, чем неволя!“**)

* В. Г. Короленко „У казаков“.

** Шиллер — „Вильгельм Телль“.

(Окончание следует).

*) Ботанин — „Накануне“ № 71. 1922 г. Берлин.

Вл. Куртин.

Пластуны.

(Клочки воспоминаний).

Вместо предисловия.

... „Нас там (в Севастополе) хвалили, та не знаєм за що, бо ми привикли рівно тягти службу, як той віл, не хибилі зроду“, — так, устами батька Кухаренка, говорили о себе пластуны, защитники Севастополя. Едва десяток слов нашли сказать о своей службе „московской вармін“, беспримерный свой героизм, выносливость и сметку квалифицируя как „рівно тягти службу“. Сама же „московська вармія“, поставив пластуна в „панораму“, не заикнулась о нем вообще ни одним словом.

Жизнь в осажденной крепости под ядрами турків, хранцузів та британців казалась пластунам раем по сравнению с той, какою они жили по своим „кардонам“. Какова же эта была жизнь наших легендарных предков, пластовавших по плавням Кубани и Приазовья, мы знаем очень и очень мало. Ровно столько, сколько о ней поведал нам наш старший батько Кухаренко. Видал он и сам, что пластуны заслуживают, чтобы о них написать „цілу книжку“, но, по неизвестным нам причинам, предоставил это „молодшим, до того охочім унукам“.

Таких охочів не нашлось. Не нашлось их и после Великой Войны, в которую пластуны пластали уже от Ефрата до Сана, проявив все качества своих предков „зімою на холоді, а літом на комарях та з голодом“. В которую, как и их предки, были: „прудкими і чуткими, второпними й проворними“. Не нашлось не по вине унуків. „Московська вармія“ в конце концов сделала свое дело: Казачество уничтожено. Немногие уцелевшие унуки „пластают“ по всему земному шару. Уже „не одягаються в черкеську одіж, не носять кінжал з ножом, жарівницю, чабалтас, кулішники, ні вывертку... Ни піштоля за поясом, ни черкеське шабельке збоку“... Киркою и мотыгой добывают себе право на жизнь. У станков фабричных да в глубоких шахтах доживают свои последние дни последние унуки красивойшей в мире Вольницы. Без родных и родины, без роду и имени...

После дідов курганы остались. Высокие степные могилы. А вешее око казачьих баянов по могилам — предков видело:

... За байраком байрак,
А там — степ та могила, —
Из могилы козак
Встає хмурий, та хилый...

За внуками не останется и могил. Ведь и для могилы нужно иметь „свою землю!“ Положим, нашлась и такая, „своя“... где то на куличках, в поднебесном Перу. Только — что за смысл было уходить из своих трущоб Кавказских, чтобы умереть в трущобах кордильерских. Покрайней мере знали бы, что сложили свои буйные головы за свое, за самих себя, а не за братьев Королевичей. И — вольными, а не верноподданными господина Президента...

Было, как было... нас, внуков, с каждым днем остается все меньше и меньше. И эти „reliquiae reliquiorum“ враздроб идут. И — куда ни кинь — всюду клин, а „клинья“, как известно, с пословицей не расходятся: вышибают.

Так вот, пока не „вышибли“ (а хочется верить, что и не „вышибут“) и думаю просить хмурого Перебендю Гната, чтоб принял на свою бандуру и эти несколько слов о пластунах. И то о пластунах за время Великой Войны.

Старий Кухаренко оставил нам написать о пластунах „цілу книжку“. К сожалению, как уже сказал, между унуками не нашлось ни Киплинга, ни Джэка Лондона, ни Карла Майя. Мы можем сказать и описать лишь то, что своими глазами видели, что пережили сами. А что это так, доказательством тому 55-й номер „В. К.“. — Старейший из всех живых пластунов, Гейман, сказал свое о пластунах. Что? Да только то, что сам видел,

что сам пережил. И еще меньше: только то, что от виденного и пережитого сохранила ему его память.

Пишу и я, как могу, что сохранила мне моя память. А г. редактора „БК“ прошу надруковать. Чтoб и мои несколько слов о пластунах не остались лишь на моем папире — сумными рядами.

Быть может все-ж найдется со временем казачий Толстой, который напишет пластунскую казачью „Войну и Мир“, а наши „клочки“ и „обрывки“ ему пригодятся.

I. Козаки ідуть в поход.

— Вашбродь!.. Вашбродь!..

Я слышу, что меня будят, но проснуться не могу. Голова точно свинцом налита. В еще не отрезвившемся мозгу с чудовищной быстротой вертятся какие-то огромные колеса то вдруг меняющиеся в пятки казака Трофима, отплясывающего трепака, то в длинющие усы командира, когда он, взявшись за бока, хохочет от „скоромных“ анекдотов приказного Хитя. В ушах — гам и пьяные крики казаков, звенит гармошка, гремит Саморядовский бубен...

— Вашбродь... па-кет!

„Пакет“ никак не вяжется с тем, что было в эту ночь. Были сардины, но оне в жестяных коробках, была икра... тоже в коробках... шашлык... А пакет?.. Какая-то неясная мысль вдруг прорезала мозг. —

— Пакет? Быстро приподнялся.

— Пакет?..

— Точно так! Нарочный сейчас из штаба бригады прискакал!

Разорвал пакет.

— Сотням немедленно выходить на сборный пункт. — Война!

Только теперь понял, какая мысль разом снесла всю одурь прошедшей ночи. Мой есаул спит на походной кровати, свесив одну ногу на пол и широко раскрыв рот. На полу спят кутившие с нами песенники. Подошел к есаулу и, что было силы, крикнул ему на уху:

Война!

На момент на мне остановились два мутных глаза командира.

— Пакет?

— Извольте!

Командир прочитал приказ.

— Хорунжий, немедленно поднять и построить сотню!

— Слушаюсь.

Вышел во двор. Сразу обдало сыростью. Холодно. Нервно стучат зубы. Трусится мелкой дрожью все тело. По небу бегут низкие, быстрые тучи. На юго-востоке белеет массив Аларата. Все село полно каких-то сторожких подозрительных звуков и шорохов... Ко мне подошел фельдфебель.

— Ну, что, ваше благородие, война? Вижу и он не твердо выговаривает слова.

— Взаправду?..

— Взаправду, Корчагин... Выстраивайте сотню.

— Сотня уже готова: как только прискакал нарочный — мы уже знали.

— Который час?

— Два.

Сотни не видно. Чувствую лишь, что передо мною стоит 200 человек с готовым сорваться с уст вопросом:

— Взаправду?..

— Здорово, хлопцы!

— Здравия желаем, вашбродь! сдержанно ответило 200 голосов.

— Поздравляю вас с походом!

— Покорнейше благодарим, вашбродь!

— Стоять вольно!

Меня обступили станичники.

— Андрейч, будем вместе держаться. Не выдадим...

Большое армянское село (Игдыр) уже шумело, как потревоженное осиное гнездо. По узким улочкам между глиняными мазанками сновали люди. Отчаянно лаяли собаки. На площади взметнулась крикливая, многоголосая песня. Песня двинулась к восточной окраине села. Слышались выкрики: Андроник!..

— Ага, армянские добровольцы выступили!

— Тоже — союзники, — презрительно замечает Корчагин.

— Командир идет... Командир...

— Сотня, смирно! Равнение на право! Господа офицеры!..

— Здорово орлы! Во всю мочь своих богатырских легких гаркнул есаул.

— Здравия желаем, вашескобродие!

— Поздравляю вас с походом!

— Покорнейше благодарим, вашескобродие!

— Господа офицеры ко мне!

К есаулу подошли: я, прапорщик запаса Ушаков, горький пьяница, но очень дельный и неустрашимый офицер, один подхорунжий и 3 старших урядника.

— Ну что-ж, господа, война?

— Как будто.

— Идти со своими взводами. Вы, хорунжий, с первым взводом и знаменем вперед. В добрый час!

Из двора вышли на кривую узкую улицу и начали месить грязь — „пластать“. Лужи покрыты тонким льдом. Наступишь: брызги летят до ушей. Я в тонких чувяках. Черкеска. Белый башлык и — перчатки за поясом. Как встал, так и отправился на войну. Не знаю, что о Василь сумеет уложить на двуколку.

Из других улиц вытягиваются 2, 3 и 4 сотни. Выбрались из села. Стали. В темноте чернеют квадраты выстроившихся батальонов. Священник отслужил напутственный молебен. Тронулись. Наш батальон головным. Режет холодный восточный ветер. По небу несутся клоки облаков. Редко когда выглянет месяц. Со мной рядом идет красавец знаменщик и фельдфебель.

— Ваше благородие, обращается ко мне фельдфебель, — а что, правда, что курды всех пленных казаков на кол сажают?

— Говорят, что сажают.

— А и языки отрезают?

— Отрезавают.

— А что лучше: усидеть на колу, или жить без языка?

— Как это?

— Что лучше: или на кол посадят, или язык отрежут?..

Я живо представил себе одно и другое и — не знаю, что-бы было „лучше“.

— Да ты что разве в плен собираешься?

— Сохрани Господи! Такого еще отродясь не бывало, чтобы казак живым в плен сдлся... А может турки и воевать-то не будут. Вон пограничники говорили, что ихние офицеры говорят, будто они воевать и не думают. Чего-бы то они за немца в драку лезли?..

Думал ли я о войне? Нет. Меня больше занимала мысль, что мои новые чувяки пропадут в этой грязи. Перед нами война. К слову „война“ я привык в училище. Там мы на картах „разбивали“, „обходили“ и брали в плен „неприятеля“ — красные и синие квадраты и точки; здесь, на земле будем делать то же, но не с квадратиками, изображающими полки и батальоны, а с настоящими полками и батальонами.

Начало светать. Дорога пошла круто в гору. С Арарата тянул пронизывающий ветер. С рассветом подошли к пограничному посту. Казаки умудрились разложить костер. Едва стащили с меня мокрые ногавицы. Обсушились. Поели консервов, а из опорожнившихся банок напились чаю.

— Встать! Зычно кричит наш ад'ютант Мишка.

— Становись!

Опять построились. Опять зашагали навстречу войне. Тяжело взбираться на Арарат. И как это Ной умудрился на такой высоте развести виноградник?.. А еще чуднее: как он мог спать там — голый?.. Знать добре надрызгался! Мы далеко от вершины. Можно сказать только на ногу Арарату наступили, а уже ка-

рабаемся по льду и снегу... Ветер режет. А дорога „зигагами“ вьется все выше и выше.

— Ваше благородие, спрашивает знаменщик, — а что, правда-ли, что и сейчас еще на Арарате Ноев ковчег стоит?

— А около него пьяный Ной спит, ответил за меня фельдфебель...

Дорога врезалась в сугробы. Сотни растянулись змейками. Далеко впереди едет командир батальона полковник Витинский. — Наконец — ложбина на вершине перевала. Из ложбины — 50 шагов к югу и — граница! В ложбине стога сена, накошенного пограничниками. Здесь на сене уже расположился штаб бригады и перевязочный. Батальоны подтягиваются. Генерал Гулыга, потирая руки, ходит от батальона к батальону. Начальник штаба, полковник Букретов, с несколькими офицерами стоит у пограничного столба и смотрит в бинокль. Нам запрещено выходить из ложбины. Ген. Гулыга подошел к нашему батальону.

— Пустим кровь османам!..

— Постараемся, Ваше превосходительство!

Посмотрел я на ряды пластунов и думаю: Эти действительно „постараются“. Весело стало. Подошел Мишка, ад'ютант.

— Чуй, Володька, заикается ад'ютант, мне делать нечего, — я с твоей сотней пойду.

— Пойдем.

— Пустим кровь османам! повторяет он генералово и наливает из манерки коньяк.

— Постараемся! Отвечаю я пластунское опоражнивая чарку.

— Десятый батальон в цепь! Скомандовал генерал.

— Первая и четвертая сотни в цепь! подхватил полковник.

— Хорунжий, с первой полусотней в цепь!

— Развернуть знамя!

Торжественно, медлительно снял знаменщик чехол и развернулось наше знамя — Нерукотворный образ Спасителя... У меня прошла дрожь по всему телу. Перед этим знаменем я присягал:

— Не щадя живота... до последней капли крови...

По взводу вышли из ложбины. Граница.

— Первый взвод в цепь!

Пластуны мгновенно разбежались, плюхнули на землю... Шелкнули затворы.

— Второй взвод, — налево — в цепь! Разбежались и залегли и эти. Я, Мишка и два посыльных стоим. Никакого неприятеля не видно. Прямо перед нами, далеко внизу — круглая долина. На ближайшей к нам стороне село, а на южной, у подошвы горы, белеет Баязет. Уже самое это имя наполнило меня таким счастьем и такой гордостью, что готов был заплакать.

Боже мой, да ведь это тот самый Баязет, где „сидел“ мой дед по отцу и два дяди!.. И нам довелось... отцовскими тропами...

— В-в-володька, кутнем в Баязете!

— Ахо!..

— З-зз... просвистело что-то над головой.

— З-зз... з-зз... еще, еще... Мы инстинктивно наклонили головы.

— А, османы нас поздравляют с прибытием, хрипит вдруг выросший откуда-то генерал Гулыга.

— Так точно, ваше пр-во, поздравим сейчас и мы их.

— Знамя при втором взводе! Первый взвод! Перебежка отделениями! Первое!

Взметнулось первое отделение, пробежали шагов 50—60, залегли. Перебежал и второй взвод. Знамя осталось с прикрытием... Цели еще не видно. Зачем же зря стрелять?

— Батарея! Крикнули сзади.

— Цепь вправо и влево — расступись!.. Вылетела из ложбины наша кубанская батарея. Вихрем пронеслась мимо нас. С быстротой молнии развернулась. Кони отцепились и опять исчезли. —

— Первое!.. Огоны!..

Припали к биноклям. За гулким выстрелом послышался слабый разрыв. Над селом поплыло легкое облачко...

— Второе! Третье! Четвертое!

Еще три облачка поплыло над селением.

— Гранату! Первое!.. Сердитый „гук“ орудия и — огромный, черный столб дыма в селе.

— Второе! Третье! Четвертое!..

Черные взрывы с огненными языками рушили селение. Из южной окраины села вырвалась кавалерия и понеслась по долине. Заметались люди, бегут стада овец и рогатого скота...

Опять прилетели кони и батарея, сделав свое дело, так же быстро скрылась, как и появилась.

— В-володька, посмотри который час... Война началась!

Я посмотрел — было 10-40 утра. 19 октября 1914 г. — Да, война началась...

Шагах в 600—700 от нас видим черные точки холмов. Оттуда вырываются огоньки. А пули уже зудят, как пчелы.

— Постоянный! Свободно!..

Первым выстрелил взводный Пахомов. И крикнул.

— Что, попал?

— Точно так.

Пробежали еще немного, залегли...

Стволы уже горячие. Пластуны как на ученьи, прочно примикаются за камнями, прицеливаются... По всему фронту идет оживленная трескотня.

— Вашбродь, слышу из цепи, щось мене по руці заділо.

Подожел к пласту. Вижу по правому локтю течет кровь.

Первый раненый!

— Передай патроны и иди на перевязочный! Пластун не поднимаясь в недоумении смотрит на меня.

— Хіба-ж я ранитий?!

— Да, да... иди.

Опять откуда-то вынырнул неугомонный Гулыга. Перекрестил казака. Расцеловал.

— Н-а-граждаю тебя Георгиевским крестом!

— Первый „кавалер“! Вишь, как все это просто!..

Связь передала, что приказано перебежками спуститься до неприятельских позиций.

— Встать! Вперед!..

На бегу соскочил с высокого камня и упал — на труп турка.

Это — война!

Турки не дождавшись нас, убежали вниз. Начало быстро темнеть. Поднялась мятель. Связь с соседними сотнями прервалась. У меня уже все 4 взвода. Кругом, в хаотическом беспорядке разбросанные голые скалы, редкий кустарник... Снег валит крупными хлопьями, слепит глаза. Ветер пронизывает насквозь. Сотня сбилась в кучу.

— Вашбродь, что будем делать? Спрашивает фельд-фебель.

— А чорт его знает!.. Идти вперед... Ниже теплей будет.

Спустились еще ниже. Ветер рвет, как бешенный. Отыскали „затишок“. Стоим. Где мы, где наши, где турки?... Слышим с камней в ложбину спускается кто-то. Молчим. Подошли 5—6 человек.

— Кто у вас командир?

— Хорунжий К. Ответили пластуны. Ко мне подошел принц Аманула Мирза, командир 9 батальона.

— Хорунжий, иде мой знамя?

— Не могу знать, ваша светлость!

— И чорт знает, какой погод! Заблудился. И не знайт игде мой знамя!..

— Оставляйтесь с нами, ваша светлость, утром разберемся.

Казаки раскатали бурки, две—три разостлали на земле, а сами, накрывшись стали кругом. Получился шатер, где мы с принцем и просидели до 3 часов. Потом решили спуститься еще ниже. Когда начало светать увидели в версте от нас и ниже свернувшиеся остальные сотни, которые, выставив заставы, спали. Мы последовали их примеру. Но только что пригреблись под бурками, как на нас с гор полилась вода. Там снег сменился проливным дождем и целые реки полились в долину. Пришлось встать и стоя ожидать приказаний свыше.

Около 10 часов утра вся бригада спустилась к се-

лению, разрушенному вчера нашей батареей. В селе — ни живой души. Уже было двинулись к Баязету, как на вершине хребта, замыкавшего долину с запада, показались люди.

— Турки! крикнул кто-то.

Смотрим в бинокли. Черные точки все в большем числе покрывают хребет. Ген. Гулыга приказал 9 батальону рассыпаться в цепь и двинуться навстречу туркам. Батальон правильными перебежками быстро двинулся в гору. Черных точек на вершине было уже около трех сотен. Мы с захватывающим интересом наблюдаем картину „встречного боя“. Наши черные ряды подбираются к вершине, черные точки турок спускаются вниз, а из-за хребта выползают все новые толпы. Наши цепи открыли беглый огонь. Черные толпы „турок“ кинулись назад...

— Бегут!.. Бегут!.. закричали казаки.

— Сдаются!..

Действительно: черные точки побежали. От наших цепей отделилось несколько человек и пошли — к „туркам.“ Еще минут 10 напряженного ожидания — видим: толпы двинулись к нашим, а и наши повернули назад. Еще через 10—15 минут было ясно видно, что это не турки, а армяне... Первые беженцы. Вскоре они уже подошли к нам.

— Христун!.. Христун... бия себя в косматые груди, говорят армяне, проходя мимо нас... Оставили свое село и идут за Чингильский перевал. Посмотрел я на этот „перевал“ и у меня „озябло“ сердце: Арарат, точно недовольный на самого себя, что пропустил нас в Турцию, оскорбленный, что на его белых ризах пролилась кровь — фыркал вихрями мятели, тряс головой, засыпая снегом все тропинки, ущелья и проходы... А эти несчастные, дай Бог, чтобы до ночи добрались до перевала... Пронесли несколько человек раненых.

Старшину допросили. В селении, из которого они вышли, вчера еще стоял полк сувары, но утром полк выступил в западном направлении. Воспользовавшись их уходом, все село снялось и направилось навстречу нам, т. к. боялись, что придут курды и всех переберут. По словам этих армян в Баязете войск мало. Они утверждали, что турки не ожидали нашего наступления и что более значительные их силы мы найдем в. м. около Диадина и в Каракилисе.

Вечером пришли в оставленное армянами селение и расположились „по квартирам“. Оказалось, что не все жители ушли, некоторые остались, но, увидав нашу бригаду и не зная кто это, — курды или казаки, — скрылись в горы и уже ночью уверившись, что это пришли „освободители“, вернулись...

С южной стороны селения тянется высокий горный хребет, за которым (по словам армян) собираются курды. С запада, верстах в 5—6 горный кряж, куда вчера ушел полк турецкой регулярной кавалерии. С севера высятся громады пограничного хребта...

Солнце припекает изрядно и придает нашему бивуаку праздничный вид. Около трех часов дня прибыл хорунжий Елисеев со взводом казаков 1-го кавказского полка. Кавказский полк врасплох захватил Баязет, вторгнувшись со стороны персидской границы. Пришла 2-ая туркестанская горная батарея. Приподнятое настроение перешло в настоящий праздник. На кострах пеклись бараны, в походных кухнях дымился борщ. А долиною неслась могучая казачья песня...

Что-бы делал казак на войне и в походе без песни? Предположить, что казак не поет в походе или на войне или дома... Нет, это нельзя предположить. Нет казака — нет песни. Нет песни — нет и казака. Вот она широкая, могучая, бесконечная, как бесконечна слава казачья!..

— Раздолье мое широкое!.. А какие голоса!.. Тут и Шалапыны и Собиновы!

Гремит песня. Вдруг вскрикнули, гикнули: Наурская! Кто может так плясать, как пляшут казаки?..

Простояли три дня, потом двинулись на запад. Противника не видно и не слышно. Прошли ущельем, поднимаемся на перевал. За ним Диадин, небольшой армянско-курдинский городок на Ефрате. Поднимаясь на перевал, видели довольно много „неприятеля“: на дороге и в стороне от дороги лежали трупы курдов и

турок, изрубленных нашей кавалерией. Прошли Диадин. Следующий пункт Кара-Килиса. Погода начала портиться: сначала пошел дождь, потом с ним смешались хлопья снега, потом повалил чистый снег. Бесчисленные притоки Ефрата вздулись, разлились. Богатейший чернозем Алашкертской долины, смешанный с глиною, цепко хватал за ноги. У меня образовалось растяжение Ахиллесова сухожилия.

В Кара-Килису пришли в сумерки. На улицах толпы армян, курдов и турок. Около одного дома стоит большая толпа курдинских беков, „генералов“ в пестрых одеждах с эполетами. Прошел слух, что это князя курдинских племен, перешедших на нашу сторону. Говорили даже, что генерал Абациев привлёк на свою сторону всех курдов. Много было всяких слухов. Здесь впервые было произнесено имя турецкого наследника, якобы отправившегося в Петербург для заключения мира.

Нас не оставили в городе. Снег падал густыми большими хлопьями. Под ногами чавкала раскисшая земля... Поздно вечером совсем неожиданно очутились на селении. Именно на селении, а не в селе, т. к. стояли на крышах. Развели костры, обогрелись, обсушились. С рассветом двинулись дальше на запад. Генерал Абациев с курдинскими беками остался в Кара Килисе.

Начальника Эриванского отряда ген. Абациева мы

впервые увидели на вчерашнем переходе. Подымались к Диадину. Крутой голый подъем. Пластуны разбрелись. Большой привал был на самом перевале. Группами и в одиночку уселись за камнями. Достали консервы, хлеб. Едим. Вдруг слышим: „Встать! Начальник отряда едет!“

Встали. В руках у каждого или банка с консервами, или кружка с чаем. Ожидаем начальника. Внизу из-за поворота показалась группа всадников. Впереди ген. Абациев. Повидимому, вид пластунов не произвел на него особенно бодрого впечатления. Не сказав ни слова, проехал через бивуак. Он молчит и мы молчим. Наконец нехотя промямлил:

— Что это за толпы?.. Зда-рово пластуны!

В ответ — с дороги, с камней что-то промычало, прочавкало и опять каждый включился в свои кружки и жестянки.

— Що це за птиця? Який джигит!..

Ночь застала нас на болотистой равнине на Ефрате. Свернули. Разбили палатки. Сверху сыплет снег, снизу выступает вода...

— Сторожевое охранение от первой сотни! Пришлось вылезать из палатки... Всю ночь простояли на чершине правого берега. Всю ночь падал снег, а к утру были похожи на „сосульки“, т. к. хватил порядочный мороз.

(Продолжение следует).

В. П. Елисеев (В. Петров).

Кто виноват?

Я с ним рос. Он — Иван Чириков — мой хуторец и сосед.

Вместе с ним мы ходили в хуторскую школу; вместе с ним играли в ладышки, вместе обносили хуторские сады... Вместе каждую весну пасли коней в Токовом и Коноплянке, вместе там потешались над Василием Васильевичем Габунюм — простоватым казакишкой из обедневших донских дворян. (Какому-то не то деду Василия Васильевича, не то еще прадеду — майору русские цари за его „усердную службу“ пожаловали где-то в Таганрогском округе участок земли в 200 десятин. Потомки майора — „дворяне“ жили на „легкую ногу“ — работой не увлекались и участок свой прожили и, прожив, стали такими захудалыми и жалкими, что в наше время „дворянский отпрыск“ Василий Васильевич был не только, что жалким, но и полным посмешищем хутора). Вымажем грязью его коней в озере. Грязь высохнет на солнце, побелеют кони, а Василий Васильевич, к нашему удовольствию и большой потехе, их не может признать за своих.

— Не мои, — всплескивает он безнадежно руками, бегая возле своих коней. — Мои вороные, а эти какие-то серые...

Вместе мы, когда подросли, ходили с Иваном к девкам „на собрание“, вместе и „ночевали“ с ними. Вместе мы учились танцевать „казачка“, забившись, чтоб нас никто не видел, в конюшню. Привяжем к перекладине бичевку и, держась за нее (лучший способ выучиться танцевать „казачка“, испыганный на практике), так носимся по конюшне, что аж кони полахаются. Вместе таскали мешки к Шевцу — „фуровали“. — Все делали вместе, живя по соседству...

Когда Иван женился, я гулял у него на свадьбе — был его шафером. Потом Иван ушел на службу (он был годом старше меня) в Бендеры, в артиллерию, а я остался дома. И с этого времени мы уже виделись с Иваном редко и случайно...

Ровно через год, как ушел Иван на службу, начались „чрезвычайности“. „Чрезвычайностями“ я называю войны, которые оборвали живьем не одну человеческую мысль, не одну мечту и не одну человеческую жизнь...

От первой „чрезвычайности“ — „великой войны“ Иван уцелел и мне случайно пришлось с ним встретиться в августе месяца 17 года в Кишиневе. В этом месяце наша 1 Донская дивизия стояла в Кишиневе не то на отдыхе, не то еще почему-либо, — до дела не

знаю... В десятке верстах от Кишинева что-то делала и батарея Ивана. Свиделись, после детских игр и шуток, после отроческого беспечья и резвости, после юношеских надежд и мечтаний, более чем „возмужалыми“ т. е. видевшими не один раз в глаза не только что смерть, но и самого черта.

Свиделись и разговорились. На вокзале, где наша дивизия, вызванная главнокомандующим Корниловым, поспешно грузилась, чтобы ехать в Могилев, в ставку...

Много говорить, правда, нужды особой не было, ибо за нас говорил сам забитый распоясанными и „свободными“ солдатами вокзал. Целые эшелоны таких „свободных граждан“ — как вырвавшиеся на свободу из клеток звери — с диким ревом откуда-то подъезжали к вокзалу и так же дико-крикливо куда-то уезжали, не считаясь совершенно ни с убеждениями, ни с просьбами, ни с приказами железно-дорожной администрации.

Одному такому эшелону начальник станции воспретил категорически, во избежание верного крушения поезда в пути, отход из станции, но воинственный эшелон открыл такую пальбу по вокзалу, что для его успокоения потребовалось вмешательство нашей дивизии. И разошедшийся эшелон был успокоен на глазах Ивана и меня...

Прощаясь, Иван сказал, что если нам, казакам, придется кого-либо бояться, то только „своего же народа“ — русского, вот который мы сейчас усмирили...

—Этот народ, — сказал Иван, — для нас страшней, чем немцы...

Следующую встречу с Иваном я имел в родном нам хуторе. Был февраль 18 года. Не знаю, где побывал за это время Иван, но я, удосужившись двойного успокоения „своего же народа“, побывав „два раза под Петроградом“ (См. Календарь-Альманах „В. К.“ на 1930 г.), уже носил в своем сердце твердое убеждение, что нам казакам, действительно, нужно бояться „своего народа“. Бояться не только больше немцев, но бояться так, как черт боится ладона или креста. Для меня к этому времени уже отчетливо выкристаллизовался „великий аппетит“ этого „великого народа“...

Заметил я, что и Иван не изменил, не отступил от своего мнения об этом „народе“ (это слово, — слово „народ“ тогда было в особенном употреблении — модное...), ибо, подходя к хуторскому правлению, где стоял Иван, разговаривая с казаками, я уловил следующие его слова: — „Наверняка, когда выедем весной на па-

хату, будем лупить „истикими“ эту хохлавню. Нарежем им земли по саман некуда...”

В апреле месяце этого же года, когда, на звон большого колокола хуторской церкви, все казаки хутора скакали на церковную площадь, откуда, наскоро формируясь в отряд, спешили под Садковку, прискакали туда и мы с Иваном.

— Начиналась вторая „чрезвычайность“ — чрезвычайность „гражданская“...

Через два месяца я, уйдя в Постоянную Армию, Ивана оставил. Но это не мешало нам быть еще долго с ним вместе — воевать против казачьего врага — „своего же народа“, который тогда уже перекрестился, приняв имя „большевиков“...

Иван воевал еще больше, чем я, но видется нам уже было не суждено. И увижусь ли я когда с ним, с Иваном?.. Один только Бог знает. И Он только один, распятый на кресте, рассудит, почему Иван меня покинул?.. Почему он ушел от меня?.. И думаю, что Он, Правдивый и Многогосподный, не осудит Ивана...

Чтобы я дал тому, кто бы мне открыл мою закрывшуюся „Книгу Незвестности“, где бы я нашел (я все же думаю, что я найду) тот радостный и долгожданный день и час, когда я увижусь с Иваном? С тем Иваном, с которым я вместе рос, играл и жил... Узнали бы мы друг друга, теперь после всего пережитого? Я думаю, что узнали бы...

Трагедия Ивана и Чирикова двора.

Был всем известный жуткий конец 18 года, когда Донская Армия, обесиленная в неравной по силам борьбе с „большевиками“, теряла на глазах всех тот дух, ту энергию и тот душевный подьем, которыми она была жизненна, боеспособна и сильна в начале весны, когда, охваченная порывом патриотизма к своему Крню, она к лету очистила от „большевиков“ 7/8 Области. А теперь эта же самая Армия почти без боев оставляла станцию за станцией.

Голова ее опустилась, глаза померкли — жаркий весенний огонек погасал... Армия отступала...

Обескураженное в Новочеркасске Войсковое Правительство искало способы поддержать угасавший дух „закачавшихся“ бойцов...

Родной хутор Ковалев лежал, как раз, по пути отступления Иванова полка, и Иван (правда, с горечью на сердце, что отступают, но вместе с тем и с затаенной радостью увидеть родной дом и семью) поспешал домой, грезя (забыв об общем несчастье) о теплом и ласковом предстоящем ночлеге.

Думал Иван об отце — старике, малолетнем братишке Федюшке и о ней, измучившейся и так по нем соскучившейся, бедной Покуте. Грезил Иван родным ночлегом, потому и светилось заглубившее на фронте его лицо довольно-мачтательной улыбкой.

Только почему-то по временам эта довольно-мечтательная улыбка исчезала с Иванова лица, и в его глазах тогда выражалась какая-то необъяснимая тревога, беспокойство...

И чего бы, казалось, волноваться или бояться Ивану? Ведь не больше, как с неделю, он получил верные сведения, что дома все обстоит благополучно, а между тем Ивана охватывает какая-то дрожь, боязнь, страх перед чем-то...

Предчувствие?.. Должно быть, оно... Это оно то отпущало, то опять сжимало, больно щемя, беспокойное сердце Ивана. Это оно. Потому что человек его всегда чувствует своим сердцем, и оно, к несчастью, оправдывается больше, чем часто... Оправдалось оно, непрощенное, и на Иване...

Войдя во двор, Иван был ошеломлен необычайно страшной вестью, прибывшей его к тому месту, где он стоял. Вестью, выходящей из круга всех Ивановых предположений и возможностей. Такая весть и в мыслях Ивана не мелькала (и мелькать никогда не могла), такая весть, которая затемнила Ивану белый свет, надломив и вывернув всю его душу наизнанку...

Вот эта весть:

Третьего дня через Иванов хутор проходили женщины и тыловые учреждения Хоперского округа —

„хопры“, просто как их называли в хуторе. Переночевав ночь в хуторе и мобилизовав для своих нужд нужные им подводки, хоперцы ушли на хутор Слободкин, а из хутора Слободкина на хут. Щавель. Из Щавеля, не отпуская подвод, хотели идти дальше, на хутор Сусакин, но подводчики из Иванова хутора воспротивились так далеко ехать и стали просить хоперцев заменить их другими хуторами, а их отпустить домой. В числе мобилизованных хоперцами подводчиков был и отец Ивана, Семен Чириков.

Хоперцы в просьбе и отказе Ковалевских подводчиков усмотрели какое-то к себе нерадение и даже что-то большее — неповиновение и стали грозить воспротивившимся подводчикам применением силы. Подводчики на угрозу хоперцев ответили протестом, они не считали хоперцев в праве применять против них какое-либо насилие. Заспорили, заругались и в пылу ругани хоперцы называли подводчиков „большевиками“. Подводчики, оскорбленные на хоперцев за такой незаслуженный ими презренный „эпитет“, возмутились. Особо возмутился Семен.

— Какие же мы большевики? — крикнул он хоперцам.

— Наши дети на фронте, а мы большевики?.. Вы бы на фронте показывали так свою воинственность...

Ну, ну, говорун, договаривай, — накинулись на него задетые хоперцы...

— Что там договаривать, — ответил Семен Чириков, — понятно и так...

— Да ты, старик, говори ясно. Поедешь дальше или нет? — накинулся тут один из них на Семена Чирикова.

— Нет. Не поеду дальше, — ответил тот твердо.

— Ну, тогда молись Богу...

Говорили после подводчики что не только Семен Чириков и они — подводчики, но и сами хоперцы не могли предположить, что может случиться такое страшное дело, какое случилось в течение одной секунды на глазах всех присутствующих...

Семен Чириков, конечно, и не думал молиться Богу. Он как стоял, так и продолжал стоять спокойно. А хоперец, не говоря худого слова, выхватил из-за плеч винтовку и в мгновение ока выстрелил в упор в Семена. И когда только Семен, как пласт, повалился на землю, тогда только подводчики, ахнув от неожиданного страха, шархнулись в панике от своих подвод и хоперцев.

А хоперцы, залившись стыдом совершенного ими преступления, громко заругались меж собой.

Убийца, жалко опустившись, смиренно ждал над собою расправы. Винтовка выпала из его дрожащих, как в лихорадке, рук и, еще дымясь, лежала в грязи дороги, никому ненужная и всем противная...

Семен лежал, как живой. Его спокойное, неуспешное еще поблдевшее лицо выражало не испуг, а удивление...

Так вот какую новость нашел Иван, забежав переночевать домой. — Убили его отца! И кто же? Кто убил? — Свои же...

Эта-то весть и была причиной того, что утром, когда 76 полк уходил из Ковалева хутора, то в третьем взводе четвертой сотни обнаружился — к недоумению всех — глухой ряд...

Иван, забившись в скирд соломы, сидел в сеннице, чутко и нервно прислушиваясь к конскому топоту и утреннему ржанию седлаемых коней. Сидел, от злости до крови стиснув зубы и крепко сжав посиневшие за ночь от холода в шуршащей соломе застывшие кулаки...

Иван ругался, злился, ненавидел, проклинал...

Опустошенная, вытравленная ночными переживаниями разбитая, упавшая его душа остановилась, ублажая сама себя, на решении... остаться...

Жалел ли Иван свой, родной 76 полк, его оставляя? Любил ли он своего гнедого коня, так неожиданно и негаданно с ним разлучаясь? Болело ли у него сердце, когда уходил от него его взвод, сотня, взводный, который с ним с одной улицы?..

Чувствовал ли Иван, как больно зудел его коленный сустав, куда он был ранен красными под Сарептой? Не разрывалось ли у него на части его зарезанное

сердце, когда он, прячась от своих, забившись в скирд соломы, оставлял их — оставался один?..

Один раз так стало Ивану холодно в скирду соломы, так у него защемило сердце, что он уж прогреб солому перед собой. Стоило бы только прикоснуться к ней рукой, и Иван бы оголился. Увидел бы собиравшихся на улице казаков, услышал бы, быть может, что идет, как раз, речь о нем — о его странном отсутствии. Увидел бы их, одного-другого, — ну, и — сердце же не камень — ублажился бы, смягчился, — гнев бы мог перейти на милость, и Иван бы не устоял...

Уже совсем было поднял руку Иван, чтобы пробрать перед собой солому и увидеть утренний свет... Но устоял. Не провел рукой Иван, не оголил себя и не отрезвил свою горевшую полымем голову резким, утренним воздухом. Удержался... Удержал Ивана охвативший его в эту секунду очередной приступ проклятия и злобы... Удержался...

Диву дивился полк, хорошо знающий Ивана, как славного и горячего казака. Где бы Иван мог запропаститься? Что с ним? До последней минуты ожидал взвод Ивана, в недоумении вздергивая плечами, и, недождавшись, выехал, наконец, из хутора.

О чем-то особенно был задумчив и грустен весь день взводный урядник — сосед Ивана. Всю дорогу он угрюмо смотрел под ноги коня и молчал. Но о причине своей грусти никому ничего не сказал...

Просидев ночь в соломе, переволновавшись и простудившись, Иван поймал самый настоящий сыпной тиф, и на третий день, когда в хутор вошли красные, Ивана уже так температурило, что ему, потерявшему и память и разум, было „море по колено“ почему он и чистил красных без всякой боязни.

Покутя, все время стоявшая перед товарищами на коленях, потеряла голову, умоляя их не накладывать рук на „неотдающего себе отчета“ больного Ивана.

Смилуйтесь, товарищи. Не берите греха на душу, твердила она ежеминутно, закрывая собой Ивана от приступавших к нему товарищей. — Это он бредит — в горячке. Оздоровит так не будет говорить...

— А ты, хозяйка, знаешь, что значит больной? — спрашивали Покутя красные. — Больной, что пьяный. — Что на уме, то и на языке... Видно, он у тебя завзятая „белогвардейская морда“...

Покутя тогда пыталась товарищей убедить, что Иван остался сам... И потому-то и потому-то... Но товарищи ей все же не верили и все подступали к „оскорблявшему“ их Ивану то со штыком, то с револьвером. А у Ивана, конечно, хотя бы какая боязнь показалась на лице — пушит красных на чем белый свет стоит и никаких. Только бедная Покутя, и спать пере-

стала, и от еды отказалась, и так, измученная, ослабела, что, казалось, если бы легла, то больше бы и не встала...

Целый месяц лежал Иван в горячке, ругая красных, которые как ему представлялось — беспрестанно гонялись за ним то со сверкающими на солнце шашками, то с длинными штыками.

Красные все время гонялись, а Иван, отбиваясь от них, все время ругался.

Наконец, пересилив кризис, Иван стал приходить в себя. А когда пришел и когда воочию возле себя увидел красных, то таким не то холодом, не то жаром обдало истощенное тело Ивана, что он, накрывшись с головой одеялом, запрыгал в страхе по кровати. И тихо, тихо (чтобы красные, услышав, не догадались,) заплакал...

Иван плакал не в бреду, а в полной памяти... О чем плакал Иван?.. Что за слезы лились рекой из его только что сегодня открывшихся глаз и, падая на пропитавшуюся потом рубашку, прожигали и ее и низко ввалившуюся, слабую грудь? Что за слезы жгли Ивана? Слезы ужаса, ненависти к разговаривавшим в его курене людям? Слезы боли, стыда? Или слезы раскаяния?.. Ведь отца все равно не подымеешь из могилы, а сам себя, загоревшись, загубил на всю жизнь. На всю жизнь...

— И почему я не умер? — только и смог простонать Иван в полном отчаянии, оголившем всю убогость предпринятого им в скирду соломы решения...

... Земля уже запаровала. Оживала травка, и пахли начинавшиеся разворачиваться мохнатенькие почки верб. Налившаяся до берегов хуторская река — Хомуток — вот-вот перекатится через отлогий свой левый берег и, затопив сады и левяды, вольется в озеро, чтобы потом, разлившись по всему ровному лугу, остановиться на нем и стоять до тех пор, пока вся эта водная масса не испарится в теплом, весеннем воздухе и не зазвенит здесь трекотавшие с зари до зари звонкие „травянки“.

На „ворке“ жалобно плачут слабенькие, только что ночью окотившиеся ягнята. Два телка по очереди отзываются из катуха — как будто один спрашивает, а другой ему отвечает, а у скирды сена стоит бычек — „бирючек“. Красная, чисто-выленявшая его шерсть, кажется, горит, отливаясь на солнце своим огненным отливом. Возле лесного костра, на солнечном припеке, краснеют, ползущие и в одиночку и слипнувшиеся попарно и даже „шапкой“, „Божьи коровки“. Весной, весной запахло...

(Продолжение следует).

И. Билый.

Не клеветайте!

На страницах „В. К.“ мы говорили уже не раз о том, что теперешнему казачьему поколению следовало бы самому записать все то, что было, в каких событиях и борьбе оно принимало участие, за что боролось само, чему было свидетелем, как оно (Казачество) само понимало и понимает весь переживаемый исторический период. Сделать это необходимо, повторяем это и сейчас, так как может потом случиться то, что случилось уже с историей Казачества времен давно прошедших, каковую (историю) писали исключительно чужие и писали часто не в интересах Казачества. Только теперь казакам приходится вести „раскопки“ в своем историческом прошлом, искать историческую правду и устанавливать свою подлинную историю.

История нашего прошлого искажена неказаками. Искажена намеренно и корыстно. Мы наблюдаем ныне как неказаками искажается и современная история Казачества. (Стоит только вспомнить здесь Деникинские „Очерки русской смуты“, Врангелевское „Белое Дело“, книги Соколова, исторические „нарисы“ Сулятицкого и др.). Борьбась с этим можно единственным путем — писать казакам самим о себе и о своих де-

лах. Думаем, что этот пробел казаки заполнят сами, как бы им ни было сейчас тяжело.

В данном случае я хочу на одном примере наглядно подчеркнуть, как неказаки пишут о казаках. Имею в виду очерк г. П. Сулятицкого „Від розгрому Ради до капітуляції кубанської армії“, печатающийся в неперіодическом журнале „Кубанський Край“ — официозе „пр-ва“ г. Иваниса, недавно проснувшегося после десятилетней спячки и ничего неделания за границей (интересно знать: есть ли на земле такие кубанцы, которые знают состав этого кубанского „правительства“?).

Не будем ставить в данном случае вопроса более широко, а ограничимся этим именно „частным“ случаем, весьма, впрочем, свойственным г-у Сулятицкому.

„Кубанський Край“ (большинство сотрудников пишут под „глубокими“ псевдонимами) является противником вольноказачьего движения, противником идеи Казакки. Как он с нами борется, можно хорошо будет проследить по статье его весьма деятельного сотрудника, единственного „известного“ (по недавнему „обращению“ к кубанской эмиграции) министра „пр-ва“ г. Иваниса г. Сулятицкого (интересно отметить здесь

еще одно обстоятельство: встретить „Куб. Край“ в казачьих руках можно весьма редко, как исключение. Сам собою напрашивается вопрос: для кого, для какой аудитории и надобностей он издается?).

Не будем останавливаться на всем „историческом труде“ г. Сулятицкого, отметим преимущественно то, что касается Верховного Круга Д. К. Т. 1920 года и, еще короче, вопроса об организации последним на Кубани куб. пр-вом г. Иваниса Кубанской Армии.

Все же, перед тем, один общий вопрос „К. К.“ И в статье г. Сулятицкого и в „нотатках“ п. М. Підгірного (псевдоним) говорится о „казачьем железе“ (в ковычках), а М. Підгірний даже знает „дуже добре, що будівничі „Казакки“ — ідейні спадкоємці ковалів „казачьего железа“ перших років революції“. Прежде всего: какой смысл, какое содержание авторы „К.К.“ вкладывают в это ставимое ими в ковычки „казачье железо“? Спрашиваем это затем, чтобы вести полемику так, чтобы ее понимали и „не посвященные“, иначе — какой резон ее вести? Говорите прямо и откровенно, а не намеками и полунамеками сейчас, чтобы оставить для будущего „вольную руку“ в толковании своих „изречений“ и суждений „согласно обстоятельствам“ „данного момента.“ И второй вопрос: почему украинцам можно ковать украинское железо? почему грузинам можно ковать грузинское железо? почему горцам можно ковать горское железо? и — почему казакам нельзя ковать казачьего железа?

Возвращаемся к статье г. Сулятицкого и Верховному Кругу. Повторяем: г. Сулятицкий — противник В. К., противник Казачьего Государства так, как мы его понимаем. Соответственно этому и на прошлое мы смотрим по разному. С нашей точки зрения Верховный Круг ДКТ 1920 года — одна из первых попыток к созданию казачьего Государства, для нас это — исторический прецедент, для г. Сулятицкого Верховный Круг „мертворожденна і нікому непотрібна установа“. С этой точки зрения он обрисовал и всю его „историю“, вернее, к этой своей „точке зрения“ он старается ее подогнать, совершенно не стесняясь в выборе средств.

„Тільки однієї своєї постанови, пише Сулятицкий, що була принята в кулабуховських дні, не скасувала Краева Рада. Та не тільки не скасувала, а навіть намірилася перевести її в життя... Постановою ця торкалася скликання зїзду Донського та Терського Військових Кругів та Кубанської Краєвої Ради“ (ст.12). „У листопадні дні, коли Краева Рада навіть конституцію постулилася, ця думка (про скликання Верховного Круга) і була їй підкинута“... (ст. 14).

Если бы мы не знали о том, как пишет г. Сулятицкий о делах и событиях, в которых и он принимал участие, мы бы в данном случае сказали бы просто, что он пишет неправду потому, что правды не знает (до 1920 года г. Сулятицкий в политической жизни Кубани не принимал никакого участия, т. е. до того времени, как стал министром в пр-ве г. Иваниса в январе 1920 года). Правда же в настоящем случае такова: решение Кубанской Рады о созыве Верховного Круга ни в коей мере не зависело от „кулабуховских дней“. Решение это было бы принято, если бы „кулабуховских дней“ и не было, или если бы они кончились разрывом с Добрармией, к чему в действительности готовились кубанцы. Идея созыва Верховного Круга принадлежит кубанцам и собиравлись созывать они его не для соглашения с ген. Деникиным (были, конечно, и те, кто такого соглашения хотел и хотел провести это через Верховный Круг — единства взглядов тогда не было среди казаков), а для организации объединенного казачьего государства и для того, чтобы Казачество могло взять свою судьбу в свои руки.

Оставляя более подробное освещение вопроса для другого раза, позволим себе сейчас сказать по нему весьма коротко.

Всем известно стремление ген. Деникина наложить свою руку на Казачество не только „фактически“, но и „юридически“. Если последнее ему не удалось до 1920 года, то „фактически“ он владел всей казачьей физической и материальной силой в тем большей степени, чем больше было раз'единено само Казачество.

Деникин разделял или пользовался разделением Казачества и властвовал над ним. Ни для кого, дальше, не секрет неоднократные стремления Казачества найти между собою общий язык, найти общую программу, чтобы сговориться в столь страшную историческую годину и общими силами бороться за свое настоящее и свое историческое будущее. Этого не хотели все те, кто хотел так или иначе использовать казачью силу для посторонних Казачеству целей (как не хочет сейчас казачьего соглашения и „Куб. Край“, и г. Сулятицкий — по своим соображениям).

Одной из попыток Доно-Кубано-Терского сговора была и созданная в июне 1919 года в Ростове казачья конференция, обращенная после убийства Н. С. Рябова стараниями донцов (Харламов) и терцев (Баскаков) в так наз. „Южно-русскую конференцию“. Эта последняя, вместо Доно-Кубано-Терского соглашения, поставила себе в первую очередь задачу соглашения с ген. Деникиным, что совершенно не отвечало намерениям кубанцев (пишу это, как член конференции, избранный кубанской Радой на место убитого Рябова). Так или иначе (подробное освещение вопроса не входит в задачи настоящей статьи), но соглашения с команд. В. С. Ю. Р. на конференции не состоялось.

Повторяем: первоначальные задачи конференции во время отсутствия кубанцев из Ростова были подмечены задачами другими. Кубанцы поставили себе тогда целью не допустить соглашения и добиться возвращения к первоначальной постановке вопроса, но уже в более широком масштабе (в узком круге таких людей, как Харламов, Каклюгин, Баскаков — все сторонники Командования — сделать положительного нельзя было ничего). Так постепенно родилась идея созыва Верховного Круга, решение о созыве которого должна была принять и ноябрьская сессия Куб. К. Рады. Она это решение и приняла, хотя и кончилось тогда все совершенно иначе, чем мы предполагали и к чему готовились. Скажу больше: решение Рады о созыве В. Круга не только не „підкинута“ ей авторами „кулабуховских дней“ или теми, кто эти „дни“ со стороны казаков „одобрял“, но, вероятно, просто авторы „кулабуховских дней“ „не досмотрели“, что, потребовал изменения Куб. Конституции, не наложили своего вето и на решение Рады о созыве Верховного Круга.

Мы не только весьма легко опровергнем ниже все неправильные утверждения г. Сулятицкого, что касается всего дела созыва Верховного Круга и его задач, но сейчас уже подчеркнем, что решение Круга о соглашении с ген. Деникиным принято им только потому, что голосования за соглашение от кубанской фракции В. Круга потребовало как раз то пр-во, в составе которого был и г. Сулятицкий.

У г. Сулятицкого читаем (стр. 23):

... „Напередодні засідання Верховного Кругу, на якому мусів бути ухвалений проєкт згоди, більшість кубанців членів Кругу на своєму фракційному засіданні висловилися рішуче за необхідність голосувати проти згоди. Але на другий день перед засіданням Круга Тимошенко знову зібрав кубанську фракцію і досяг прийняття протилежного рішення.“

22 січня Верховний Круг ухвалив створити до часу скликання Всеросійських Установчих зборів, на підставі згоди між головним командуванням Добрармії та Верховним Кругом Дону, Кубані та Тереку, Південно-Російську владу на чолі з ген. Денікіним.

Единим козацьким фронтом, таким чином, з більшим успіхом було досягнуто те, про що мріяли поодинокі п. п. Сушков, Скобцов, Тимошенко та інші.

Тільки два члени Верховного Кругу підняли свої руки проти згоди. Це були члени Ради — голова Кубанського Уряду В. М. Іванис — козак чорноморець та Ф. Т. Аспідов — козак лінеєць...“

Так пишет г. Сулятицкий. В действительности было иначе (пишу здесь как член Верховного Круга). Повторяю еще раз: Верховный Круг (по мысли авторов его) собирався не для того, чтобы заключать соглашения с ген. Деникиным (подробнее об этом ниже). И еще раз: поведение в тот момент кубанской фракции В. К. было решающим (В. К. — в Екатеринодаре, донская территория уже занята была большевиками,

противники ген. Деникина свои расчеты в значительной мере строили на кубанских „реальных силах“).

В действительности было так:

Кубанская фракция почти вся 21 января (по ст. ст.) решила голосовать против соглашения с ген. Деникиным, как это пишет и г. Сулятицкий. На второй день председатель Круга Тимошенко действительно созвал еще раз кубанскую фракцию, но здесь г. Сулятицкий не пишет самого интересного (а он это ведь знает!). На это собрание кубанской фракции В. К., бывшее 22 января днем в помещении председателя Рады, приехали: В. Атаман ген. Букретов, председатель пр-ва В. Иванис, военный министр ген. Болховитинов и министр внутренних дел Л. В. Белашев (не знаю, пригласил ли их Тимошенко или они просили Тимошенко о том, чтобы он нас созвал). Далее произошло еще более интересное, о чем умалчивает г. Сулятицкий, а именно: В. Атаман и пр-во поставили категорически вопрос о пересмотре кубанской фракцией В. К. своего решения, т. к. „правительство и Атаман к разрыву не готовы.“ „Фракция должна голосовать сегодня за соглашение, а когда у нас (у правительства) будет готова реальная сила, тогда это решение пересмотрим снова.“ Это совместное заседание не было коротким и не было спокойным.

Вечером состоялось еще одно заседание куб. фракции, на котором, в виду настояния правительства и

Атамана, большинством 17 против 15 решено было голосовать за соглашение, при чем уполномочили (фактически принудили, т. к. никто из членов фракции — ни черноморцы, ни линейцы — не хотел принять на себя такой чести) А. А. Рябцева (тов. председателя Законод. Рады) от имени фракции заявить, что фракция голосует за соглашение только под давлением обстоятельств, изменить которых она не в состоянии. Такое заявление перед голосованием сделали донцы и кубанцы (смысл заявления был такой: голосуем за, но лучше бы нам и на свет не родиться...). Перед тем, кубанцы предложили своим несогласным (т. к. голосование вынужденное, „тактическое“) при голосовании воздержаться. Само голосование происходило так: кто за? кто воздержался? и только потом: кто против? Неожиданно для всех кто то, сидящий сзади, голосует против, а к нему из-за стола президиума присоединяется еще один (Асинов). Оказалось, что во время голосования вошел председ. пр-ва Иванис и... голосовал против. (Пишущий эти строки за соглашение не голосовал).

Что получилось? Пр-во Иваниса днем настояло перед куб. фракцией на голосовании за соглашение, сам же Иванис вечером голосовал против. Теперь по Сулятицкому Иванис „хороший“, а кубанцы „соглашатели“...

Не делайте, господа, из себя героев задним числом!

(Окончание следует).

Последний договор Атаманов с Врангелем.

Отношения между ген. Деникиным и казачьими государствами в 1918—20 годах всецело определялись „фактическим положением вещей“. Отношения эти за все время так и не были „оформлены“ ни в каком „акте“ или договоре, который бы давал в руки генералу Деникину „юридическое (правовое) основание“ на „возглавление“ или „представительство“ им Казачества, за исключением решения Верховного Круга Дона, Кубани и Терека от 22 января 1920 года, принятого под непосредственным давлением на кубанскую фракцию В. Круга тогдашнего Куб. В. Атамана ген. Букретова и председателя Куб. Пр-ва г. Иваниса и через короткое время аннулированного. Генерал Врангель в этом отношении был несколько „счастливее“ своего предшественника. Это он добился от Кубанской Рады (физической силой) в ноябре 1919 года „непоколебимого решения“ „вести борьбу до конца в тесном союзе с Добровольческой Армией“... — решения, аннулированного меньше, чем через два месяца.

Далеко „легче“ удалось тому же Врангелю заключить два договора в Крыму с войсковыми Атаманами. Первый — 2 (15) апреля 1920 года. Подписавший этот до-

говор, вопреки категорическому решению Куб. Краевой Рады, Куб. Атаман генерал Букретов по требованию Президиума Краевой Рады и правительства Иваниса должен был сложить свои полномочия (в Тифлисе весной 1920 года). В исполнение обязанностей В. Атамана, согласно Конституции, вступил председатель Пр-ва г. Иванис.

Само пр-во Иваниса было после того переформировано. Но дальше произошло самое „интересное“. Г. Иванис, требовавший отставки Букретова за подписание им договора с Врангелем 2 (15) апреля, через три с половиною месяца сам „торжественно“, как пишет Врангель („Белое дело“, т. VI, стр. 131—133), подписал „соглашение“ в развитие „соглашения“ от 2 (15) апреля. Г. Иванис подписал „соглашение“ с ген. Врангелем после ноябрьских дней на Кубани, в которых Врангель играл роль „руководящего“ палача Кубани, после категорического решения Краевой Рады и... после того, как сам же (на вид — во всяком случае) осудил ген. Букретова. Вот это „соглашение“, подписанное Богаевским, Иванисом, Вдовенком и Ляховым:

„— В виду совместно предпринятой борьбы за освобождение России от большевиков, правитель и главнокомандующий вооруженными силами на Юге России и атаманы и правительства Дона, Кубани, Терека и Астрахани, в развитие соглашения от 2 (15) апреля с. г., единодушно заключили настоящее соглашение:

1. Государственным образованиям Дона, Кубани, Терека и Астрахани обеспечивается полная независимость в их внутреннем устройстве и управлении.

2. В совете начальников управлений при правителе и глм. участвуют, с правом решающего голоса по всем вопросам, председатели правительств ДКТА, или заменяющие их члены сих правительств.

3. Главкому присваивается полнота власти над всеми вооруженными силами государственных образований ДКТА, как в отношении оперативном, так и по принципиальным вопросам организации армии. Государственные образования ДКТА обязуются проводить по указанию главкома мобилизацию не менее сроков и категорий, какие устанавливаются на территории вооруженных сил на Юге России.

4. Все необходимые для снабжения борющихся с большевиками вооруженных сил ЮР продовольственные и иные средства предоставляются, по требованию главкома, территориями вооруженных сил и государственными образованиями ДКТА по особой разверстке.

Ген. Врангель, ген. Богаевский и г. Иванис (справа) после торжественного подписания договора 4-го августа 1920 г.

5. Управление железнодорожными путями и магистральными телеграфными линиями предоставляется власти главному.

6. Соглашение и переговоры с иностранными правительствами, как в области политической, так и в области торговой политики, осуществляются правителем и главноком. Если переговоры эти касаются интересов одного из государственных образований ДКТА, правитель и гл-м предварительно входит в соглашение с подлежащим атаманом.

7. Устанавливается общая таможенная черта и единое косвенное обложение; отменяются всякие таможенные заставы и досмотры между отдельными территориями, участвующими в настоящем соглашении.

8. На территории договаривающихся сторон устанавливается единая денежная система. Эмиссионное право осуществляется правителем и гл-м. Установление денежной системы и распределение денежных средств, получаемых от эмиссии, составляет предмет дополнительных соглашений. Размеры эмиссии определяются постановлениями совета начальников управлений при правителе и гл-м, при обязательном участии представителей государственных образований ДКТА и утверждают правителем и гл-м.

9. По освобождении территории государственные образования ДКТА настоящее соглашение имеет быть внесено на утверждение Больших Войсковых Кругов и Краевой Рады, но приемлет силу тотчас по его подписании.

10. Настоящее соглашение устанавливается впредь до полного окончания гражданской войны.

Учинено в пяти экземплярах в Севастополе, июля 22 (августа 4) дня 1920 г.

Для всех грамотных людей „соглашение“ это совершенно „ясное“.

Вслед за „соглашением“ был подписан и особый „дополнительный протокол“.

Весь этот „акт“ со стороны представителя кубанской власти надлежаще оценен, напр., Володимиром Гнатюком тогда же в 1920 году в его брошюре „Кубанщина й кубанські українці“. На стр. 49 читаем:

„Кожному, хто прочитає отсі два документи, догвір і додатковий до нього протокол, стане ясно, що в них одним почерком пера знищено всі дотеперішні змагання Кубанської Краєвої Ради і її здобутки, досягненні в кінці по упадку Денікіна“.

„Конференція кубанських політичних і суспільних діячів в місті Празі 16—20 жовтня 1921 року“ прийняла по приводу діяльності г. Іваниса таку резолюцію (приводим соотв. часть еє):

„Заслушав доклад і обговорив вопрос о діяльності г-на Іваниса, назначеного атаманом Букретовым председателем Кубанского Правительства и после отставки Атамана преемственно вступившего в исполнение обязанностей Кубанского Атамана, констатируя в этой деятельности такие факты, как

1) Поездка в Крым и подписание договора 4 августа 1920 года с генералом Врангелем, не только нарушающего Кубанскую конституцию, но и отдающего Кубань в полное распоряжение генерала Врангеля, вопреки категорическому постановлению Краевой Рады о полном разрыве с Добровольческой армией

Конференция Кубанских общественных и политических деятелей признает таковые действия г. Іваниса противоречащими и форме и духу Кубанской Конституции, а дальнейшее пребывание г-на Іваниса на посту и. о. Войскового Атамана и Председателя Правительства вредным для интересов Кубани.“

Відповідь п. Підгірному.

Вельмишановний Пане Редакторе!

Прошу ласкаво умістити на сторінках Вашого шановного часопису наступного мого листа.

Маю за шану відповісти „Кубанському Краєві“ на закиди п. Підгірного в замітці „Нотатки“, зроблені мені особисто.

Безперечно, не є це жадною приемністю перекидатися начеб то в формі полеміки словами на сторінках друку, про те, на цей раз не могу оминати цієї неприємності, бувши примушений до того самим же автором „Нотаток“. В даному разі примінюючись до загального тону і стилю, прийнятих „В. К.“ при подібних відповідях взагалі, дозволяю собі звернутися до п. Підгірного з відповідю-запитами, с. т. просити шановного автора „Нотаток“ висловитись ясніше при своїх твердженнях в тих де-яких місцях своєї замітки відносно мене, де, на мою думку, помічається брак достатньої льюбичної аргументації, і через те усі ті твердження викликають (найменше!) сумнів у їх правильності.

Отже. Нападаючи, як то можна вивести з тону і зі всього способу писання автора „Нотаток“ на моє щире співчуття до вільно-козацького самостійницького руху, аналогічного для мене з живим і прогресивним рухом мого власного, рідного народу, та осуджуючи бічно і мою співпрацю з „Вільним Козацтвом“, яке на мою думку, з'являється найяснішим і найповнішим виразником сучасних самостійницьких прагнень козацтва, п. Підгірний грубо кваліфікує ці мої симпатії до козацтва, як відображення мною якоїсь то сумнівної ролі „собственного“ „Вольного Казачества“ „малоросіянина“ та зауважує при тім, що це мені, взагалі, не личило б...

Передувсім прошю би п. Підгірного залишити свої турботи про те, що мені личить чи не личить, бо на сторожі цього стоїть мене власне сумління і свідомість своїх власних вчинків, а в зв'язку з цим і почуття певної відповідальності і перед самим собою і перед другими. Але головне попросив би я шановного автора „Нотаток“ відповісти, бодай самому собі, який властиво

зміст вкладає він в досить плутаний вираз „...самоотверженно“ грає ролю „собственного“ „Вольного Казачества“ „малоросіянина“. Що власне п. Підгірний мав на увазі цим відносно мене сказати? Чи добре продумав і з'ясував собі автор „Нотаток“ справжній зміст, характер і відтінок цілого цього легковажного виразу та поодиноких слів у ньому, коли ризикнув на їх ужиття? Чи то може можна справді таки в загалі письменницького натхнення „по наїттю духа св.“ вязати з собою невідповідно до фактів і внутрішньої природи річів всякі крилаті слівця, які у своїм блискучім комплексі на перевірку їх здоровому думкою дають лише вражіння „гороху з капустою“?..

Справді ж бо: як, прикладом, розуміти застосований до мене п. Підгірним вираз „...самоотвержено грає ролю...“? Що я, по мислі п. Підгірного при своїм співчутті до В. К. особисто „самоотвергаю“? Зрікаюся своєї національності, чи служення своїй батьківщині, чи щось подібного, як то звичайно робили усі „самоотвержені“, служивши вірно всякому чужому „отечеству“?

А чи не міг би п. Підгірний додуматись до того, що свої власні національні і патріотичні почуття та жаль до власної поневоленої батьківщини можуть цілком природно створити покривальсь зі співчуттям і до інших поневолених, що так же само прагнуть свободи і визволення? Що не ситий, а голодний голодного краше розуміє — ця така формуловка певного універсального закону людської психіки ось була вже віддавна відмічена і нашою рідною старою народною мудрістю, і можна б догадуватись, що і п. Підгірному вона не є невідомою.

А чи не міг би додуматись п. Підгірний і до того, що підтримка і допомога у боротьбі проти спільного ворога може бути і справжнім служенням своїй рідній поневоленій вітчизні? Бо підтримка друга у спільному інтересі є допомога самому собі. Тоді — причому ж тут „самоотверження роля“, коли така натуральна взаємна підтримка усім патріотам поневолених народів диктується згори і самим зогніжним фактом підневоль-

ного стану і внутрішнім моральним імперативом та свідомістю спільного інтересу у боротьбі? І наразі кожний патріот-українець і кожний патріот-козак в однаковій мірі мусили б відчувати, розуміти, шанувати і дружно поперати взаємний рух, направлений проти гнобителів їх земель.

Таким чином, слово „самоотверженно“, яким хотів п. Підгірний охарактеризувати мою співпрацю з „В.К.“ ужито абсолютно не відповідно до свого граматичного змісту, бо ж, ще раз підкреслюю — можна (і треба!) не зрікаючись нічого свого, нічого не „самоотвергая“, допомогати, ба навіть і служити чимсь в доконанні загального інтереса сусідів, що зрештою в наслідкові може виявитись, як праця для себе самого.

Ще. Так само невідповідно до свого внутрішнього змісту ужито легковажно п. Підгірним і виразу „... собственного „Вольного Казачества...“ якого так само має бажання п. Підгірний застосувати до мене. Знов запитую: що означає цей вираз, і яким саме способом застосовує його автор „Нотаток“ до мене? За яку таку власність, „собственность“ В. К. вважає він мене, с. т. на яких підставах права власності розпоряджає мною В. К. по своїй уподобі чи потребі та примушує мене бути на всі випадки в його волі? Що ж це В. К. мене купило, чи яким іншим способом поневолило, що моя чинність (літературна!) у співпраці з В. К. уявляється п. Підгірному лише як рефлексивний відрух волі В. К. на живій, рабській підлеглій йому річі в моїй особі? Це ж просто — смішно. Чому б не міг подуматись п. Підгірний до того, що моя акція у відношенні до В. К. може бути цілковитим виявом моєї власної волі, не звязаної жадною підлеглистю В. К. і не обумовленої жадними правами власності В. К. на мене? Що можна і треба кожному українцеві на разі з власного почину і власної волі, яка керується в данному випадку лише свідомістю спільного інтересу, співпрацювати зі всіма, поневоленими Московю друзими, в тім, думаю, і для п. Підгірного не треба особливих доказів.

Отже, дозволю собі запитати п. Підгірного, чи і співпраця українців з грузинами, армянами, азербейджанцями, кавказськими горцями та туркестанцями також вважається ним за „самоотверженное малоросіянство? Чому дружня співпраця українців з цими неславянськими навіть народами є похвальною, признаною і необхідною, а бути другом у співпраці з найближчими сусідами України зі словянським козацтвом таврується легковажно, нерозважно, ба навіть провокаційно малоросіянством? Що це? Не є це справді абсурд, що виходить вже поза межі всякого правильного і чесного думання? Бо ясно ж є, справді, і для дитини, що однакові і з однаковою ціллю чини тягнуть за собою й однакову відповідну назву чи кваліфікацію їх. Тоді — чому ж моя співпраця з самостійницьким козацтвом уявляється п. Підгірному якоюсь незрозумілою і сумлінною? І чому мою чинність у відношенні до В. К. уявляє він собі, як якийсь несвідомий акт належної В. К. на правах власності річі? Це повторюю, є смішне, бо абсурд, і до нього можна було дійти лише способом, що виключає всяку льогічну думку, або способом нерозуміння значення цього слова, яке уживається. Отже, і невдалий натяк п. Підгірного на мене, як на якусь власність В. К. є абсолютно в його „Нотатках“ не до речі.

Ще. Знов запитую, який зміст вкладає п. Підгірний в слово „малоросіянство? Чи здає він собі свідомо справу з дійсного розуміння цього специфічного слова, чи продумав він час, місце і спосіб його уживання? Чи знайоме йому принаймні історичне походження цього слова і граматична його будова? Насмілююся думати, що згідно зі способом ужиття слова „малоросіянство“ у стосунку до мене п. Підгірному справжній зміст цього слова невідомий, подобається воно йому напевно, як механічний набір певних созвучних гарних літер і забавляється він ним тому, що часто уживання цього слова (де треба де й не треба) у наш час з'являється подекуди модним. Тож сам граматичний склад слова „мало-росіянство“, по мимо колишнього стилістичного етнографічного означення тубольця з „Молої Русі“, „Малоросії“ у новому політичному розумінні служить за означення неусвідомлених національно українців, що

визнають себе меншою (малою) галуззю „єдиного „русскаво“ племені“. В специфічному іронічному значінню вживається цього слова ще й для означення певної з боку українця лояльності що до Росії і всього російського; стало воно ярликом для тих наших земляків, що признають себе меншою чи малою частиною чогось більшого, російсько-державного; стало воно ознакою вірного, відданного несвідомого чи спекулятивного служення державницьким інтересам московського народу з попутною ігнорацією інтересів народу рідного, українського. Ось так відповідно і уживається цього слова „малоросіянство“, чи „малорос“, у його простому значінню. У переносному ж значінню, по аналогії, уживається цього слова тоді, коли мається на увазі означити подібне відношення всякого ренегата до чужого народу і чужої державности. У всякому разі свідчить це слово про того, до кого воно примінюється, що він зрікається себе, інтересів свого народу, визнає себе і свій народ і його інтереси лише якоюсь малою часткою чогось більшого та жертвенно прагне, аби та мала частка була тим більшим прогложена. Ось тепер хай п. Підгірний розбере та домозгується, яким способом можна застосувати це слово до мене зі справжнім розумінням його змісту, все одно, у простому чи переносному значінню. Та ще при тім просив би автора дотепних „Нотаток“, навести, яко фактичний доказ, покликання на мої будь-які слова чи чини, якими би я намагався доводити, що українська державність має чи мусить бути підпорядкована державности козацькій і пролигнена цією останньою, або що український народ є малою галуззю „єдиного, великого вільно-козацького племені“, як то робили і роблять малороси у службі Росії. Зрозуміло? Знаходити в даному разі подібність між московським народом і Росією, що повні були і є бажання і стремління поневолювати — з одного боку, — та, скажемо, з Козакією і козацькими самостійниками, що прагнуть самі визволення — з боку другого, — дійсно потрібно клясично неуміти будувати будь які аналогії.

Це ось-одно. А друге — п. Підгірний, іронізуючи з мого озаймлення з козацьким питанням, свою замітку закінчує:

„А і справді, хіба ж таки людина, „ознайомлена“ з предметом“, може хоч на хвилюк припустити, щоб Україна була ангелом „Козакії“ та що шлях населення північного Кавказу в сучасних його межах до єдиного фронту з Україною та народами Кавказу для боротьби з Московією за волю, веде через козацьку націю“ та „Козакію“. Ні, людина, дійсно „ознайомлена з предметом“ мусить знати, що всі ці „вольно-козацькі“ романтичні вигадки створені тільки для того, щоб усі ті, хто не забув про заповітні традиції прадідів-борців, не змогли „братів визволити“.

Відносно цих усіх зауважень п. Підгірного мені не приходить на разі багато говорити. П. Підгірному вільно думати так, як він то зауважив; я думаю зовсім инакше. П. Підгірний вважає, що він більше „ознайомлений з предметом“ і через те не вірить ні в „Козакію“, ні в „козацьку націю“, ні в те, що через такий вільнокозацький рух козаки можуть стати до єдиного фронту з Україною для боротьби за волю; і поскільки таке „ознайомлення з предметом“ доводить до ось такої віри, а віра, як звичайно, не потребує доказів, то — хай буде. Я, повторюю, думаю инакше, бо мов „ознайомлення з предметом“ доводить мене до протилежних висновків. Хай собі для п. Підгірного „Козакія“ є романтична вигадка; це, однаково, як я вже зауважив — віра, і як такий, вільно їй не опиратися на жадні докази; до того, наскільки ця віра, як і кожна, є сліпа, то вільно їй і незобачати того реального розміру самостійницького руху, який буває в козацькій еміграції під гаслом „Козакії“. Нехай також для п. Підгірного і „козацька нація“ є видумкою пари гарячих голів десь там у закутку якоїсь празької козацької редакції — на російський спосіб думання це вповні можливо, бо ще до недавня і українська нація „творилася на австрійські гроші“, так само, як українська мова, „сочинялася галичанином Грушевським“ і т. п.; зрештою, не цілком ще очевидно вивітрився з пам'яті і шкільний курс „руської історії“, де прекрасно розказано про

всіх донських і волзьких разбойников-козаків, „беглых русских людшек“ і т. п. і всякі інші байки, що можуть складати досить таки широкий обсяг „ознайомлення з предметом“. Так кажу, хай собі це все залишається недоторканим п. Підгірним — це його віра, його „ознайомлення з предметом“, його справа. А для мене більш доказальними і переконуючими є історія народів, закони і шляхи повстання, формування, розвитку і довершення націй, напрямки руху національного усвідомлення народів, що стремлять із заходу на схід, та якою зачеплені вже і історичні процеси, що відбуваються на сході Європи. Для мене — донські і всі інші, що від них походять, козаки, є нація, яка перебуває процес формации і може досягнути свого скорого довершення так само, як досягнула цього довершення в недавньому нація американська; для мене — кубанське чорноморське козацтво є українського походження (ніколи цього і В. К. не заперечувало — до речі. І всякі перекучування В. К. думок що до цього, і всякі довірливі жонгливання „козацькою нацією“ є або навмисність, або просте нерозуміння) так само, як кубанське лінійне козацтво є донського пня, а кубанські черкеси і інші кавказці — пня неслов'янського; і для мене зрозуміло, що всі ці народи можуть цілком природне утворити свою власну самостійну кубанську державу, так само, як утворили подібну державу швейцарські трьохнаціональні кантони; і нічого для мене немає дивного, і неприродного, і неможливого в тім, що всі козацькі удержавлені землі можуть з'єднатися в одну велику козацьку державу — Козакію.

І зрештою, у всьому цьому я ні бачу не тільки чогось шкідливого для своєї батьківщини-України, як чомусь додачу це переляканий „Козакією“ і „козацькою нацією“ п. Підгірний (чого б здається і хвилюватися всяких „романтичних“ химер та вигадок!), а навпаки, розумію в цім для найближчої боротьби України користь, бо на разі не важна і назва чи „Козакія“ чи яку іншу назву прибере собі, скажемо, Вільно-козацька держава, що повстане на історичних козацьких землях, і не важно, чи будуть себе козаки називати „козацькою нацією“ (що так муляє очі Підгірним), чи якою іншою нацією (це їх справа) — важно для мене те, щоби у потрібний відповідний момент увесь контингент козацьких земель під якимсь справді живим, суєтним гаслом знявся до спільної боротьби. І в теперішній час важно для мене — що таким саме ферметивним, суєтним, міцним і організуючим козацький самостійницький дух є гасло „Козакія“. Другого подібного, хоч би в половину рівного йому, я зараз між козацтвом не бачу. І як щоби п. Підгірному пощастило вкоти мені (ясно, з доказами, яких, на жаль, п. П-й любить уникати) якийсь сучасний інший, сильніший, або хоча б такто ж інтензивний і динамічний самостійницький козацький рух, то, можливо, помімо вдячності, міг би я ще і перехреститися в його віру... (!). Поки що, по-за „романтичною“ для Підгірного Козакією, я іншого реальнішого козацького руху не бачу.

З другого боку гасла „Козакія“ і „козацька нація“ для мене є ще цінними і тим, що ними В. К. забиває між козацькою еміграційною масою та еміграцією російською такий клин, що дай Боже усім іншим козацьким угрупованням, навіть в купі, бодай на $\frac{1}{10}$ менший забити.

Ось всі ці мої міркування і доводять мене до висновку, що, безперечно, і „шлях населення північного Кавказу в його сучасних межах“ і населення усіх взагалі козацьких земель „до єдиного фронту з Україною та народами Кавказу“ для боротьби з Москвою під сучасну хвилю може вестися і через „Козакію“ і через „козацьку націю“, як найсильніші самостійницькі козацькі гасла, а в час боротьби цей, поки що ідеологічний шлях, може перетворитися в озброєний реальний фронт, зброю якого мусить Україна і зі своєю зброєю збратати.

При цьому ось мене ще, як військового, цікавить, можливо, навіть цілком байдуже для п. Підгірного питання: куди має вперти своє праве крило Україна в найближчий майбутній війні з Москвою. І мимоволі приходять знов на думку самостійницьке козацтво і „Козакія“. А треба було б п. Підгірним не тільки

проливати сльози над городовиками „Петренками“ та „Сидоренками“ (яким зрештою нічого і не загрожує й які мусили разом з козацтвом по „большевицькій науці“ здвигнути зброю), а подумати й про тих „Петренків“ та „Сидоренків“, що будуть збройно безпосередньо захищати підступи до Києва, та мусять будуть дбати в самім пеклі боротьби про те, щоб з боку козацьких земель не тільки наші крила були забезпечені (про це вже елементарно треба дбати, як про мінімум), а щоб і загальна наша взаємна чинність активізувалася ударами всього козацтва на ворога. Про це (союз!) мусимо дбати і ми і козаки в першій мірі, бо це воєнне питання у наших взаємних стосунках з козацтвом є найпершим, найголовнішим і найважливішим. І грубо висловлюючись, зовсім не буде важно для наших Петренків і Сидоренків під Києвом, хто саме, чи „Козакія“ чи „козацька нація“, чи „чорт, чи біс“, як то кажуть, буде їм допомогати — важно те, що вони будуть свідомі козацької братньої допомоги, так само, як оцінять достойно і козаки українську братню допомогу, та що через те сили цих союзників потрояться.

І ось, треба про таку допомогу дбати та знаходити заздалегідь шляхи до неї. Треба б уважно прислухатися до голосу козацтва, стежити за його настроями та підтримувати всемірно успішний розвиток козацького самостійницького руху.

А з цього всього виходить, що не тільки можна на хвилюк припустити, а і мати постійне переконання, що Україна, яка має очолювати з природи річи майбутню боротьбу з Москвою, вкупі з іншими народами візьме, як справжній, висловлюючись образно, Ангел Волі, під свої крила і самостійницьке козацтво, бо це їй диктується згори не лише благородною провідільною лицарською традицією „Визволителів-Запорожців“, не лише судженою їй почесною ролею історії, а й фактичним ходом тієї ж історії.

І зовсім для мене не є переконливим (на жаль, знов без жадних доказів) твердження п. Підгірного, що „... людина дійсно „ознайомлена з предметом“, мусить знати, що всі ці „вольнокозацькі романтичні вигадки створені тільки для того, щоб усі ті, хто не забув про заповітні традиції прадів-борців не змогли братів визволити“. По-перше, ні у кого, навіть, у людини, „ознайомленої з предметом“, не можна вимагати знати („мусить знати“ (!) щось там таке, що хтось знає його про себе. Кожне знання набувається чи то через досвід (практично), чи то через льогічні міркування і висновки (теоретично); знання ж, оперте на віру, чи на хистку льогіку, в увагу при цім не йде; у мене ж і у п. Підгірного, як я вже відмітив, і досвіди, що до В. К., різні і обсяги та змісти „ознайомлення з предметом“ і висновки з них неоднакові. От же, природньо, я — звільняюся від обов'язку і вимог знати те, що знає п. Підгірний, бо ж і понад всю свою охоту не міг би досягнути того п. Підгірного знання, яке є збудовано на внутрішній вірі, чи зовнішніх льогічних спекуляціях самого Підгірного. Цього, хай мені вибачить шановний автор „Нотаток“, знати ніяк не можу.

Я вже сказав був, що твердження п. Підгірного про „вольнокозацькі“ романтичні вигадки для мене не є перекональні, оскільки вони випливають з віри і не є оперті на фактичні чи льогічні докази. Я на це дивлюся зовсім інше, як то вже також зауважив і появив, чому саме так дивлюся. Як що ж п. Підгірний справді посідає якесь дійсне знання секрету вільнокозацьких вигадок, що створені лише для того, аби паморочити комусь голову, і якщо хотів би це знання зробити збудком ширшого кола громадянства та при тім і мене усвідомити, то мусив би, — кожному ж ясно, — якісь докази подати. Звідкіля і що саме такого секретного знає п. Підгірний про „вольнокозацькі вигадки“ та про те, що створені вони для паморочення чесним людям голів, та ще для того, щоб ті, хто не забув традиції запорожців, не могли „братів визволити“?

Яким же це чином хтось під щось так страшно підкопується, і всі нічого не знають, і один Підгірний знає і... мовчить; а як почне говорити, то так щось далека низьком, натяками, як секрет якийсь незвичайно великий?.. Чи справди такий секрет, така таємниця,

що розкриттям її можна боятися когось „спугнуть“. Чи і це може така собі легковажна довольна гра із забавними словами, як „самоотвержено“ і „малоросіянинне“?

У всякім разі ще і на кінець своєї відповіді попросив би п. Підгірного про роз'яснення своїх таємних тверджень на підставі певних доказів. І щоб більше держатися суті річі. Головне ж — доказів, доказів! Бо теперя вже, хвала Богу, на віру мало хто щось приймає, особливо треба знати (досвід допоможе) не довіряється друкові, тим більше літографованому.

Треба безсумніву солідних і ґрунтовних доказів.

Бо повертаючи в повітрі думку п. Підгірного про те, що піддержуючи Козакію, Україна не зможе братів визволити, на другий бік можна ще сказати, що не

піддержуючи „Козакію“, сіючи між нею і собою розврата ворожнечу, які в боротьби зможуть ще, не дай Боже, привести і до збройної колотнечі, Україні вже напевно не то що не зможе буде будь-яких братів визволити, а зaledве чи вдасться їй і самій визволитись.

Досвід „багатьох фронтів“ може вже цю думку і присквідати...

Але найкращим доказом є наука історії, перегляд визвольних змагань всіх віків і народів.

Спокушатися поспробувати ще один раз цей досвід в очікуванні від нього інших наслідків, як то диктується логічним ходом подій, здається було б вже для України цілком зайвим.

Микола Битинський.

Несколько слов „Кубанскому Краю“.

Какой то из „Кубанского Края“ (номер VIII) Марко Підгірний (псевдоним) в своих „Нотатках“ старается вылить всю свою желчь на различные, так сказать, явления жизни, причем, конечно, В. К. является почти главным объектом этой брызжащей старческой немощи.

М. Підгірний, отвечая „Родимому Краю“ на заметку Мельникова о том, что

„в атаку против самостийников пошли сначала кубанцы-черноморцы украинского толка группы Макаренка — поместив в номере VI своего журнала „Куб. Край“ статью, в которой высмеивают фантастическую Казакию“...

и отвергая какие бы то ни было отношения „К. К.“ к группе Макаренко, упрекнув „Р. К.“ в том, что он в кубанских делах не разбирается, оканчивает свои глубокомысленные замечания так:

„А що „К. К.“ „пошел в атаку против самостийников“ — то це теж нісенітниця. Будівничі „Казакії“ такі ж самостийники, як і п. Н. М. М.“

Отвечаем: „Р. К.“ верно подметил что „К. Край“ „пошел в атаку против самостийников“. Это видно не только своим взблзну, но и чужим издали. И нечего здесь г. Підгірному „опровергать“. „К. К.“ не только номером VI, но и последующими утверждает этот факт (это, кажется, единственный смысл его существования). В этом отношении „К. Край“ стал в одну линию с „Родимым Краем“ и г. Н. М. М. (Мельниковым), хотя этот последний и „русского толка“ и хотя г. Підгірний хочет как будто от него отмежеваться. И Підгірного и Мельникова в этом случае роднит общая линия нападок и атаки против В. К. и казачьих самостийников вообще. И нечего г. Підгірному замечать в глазу брата своего сучек, когда в собственном его глазу бревна торчат... Г. Підгірний „делает“ и так легко открещивается от дел своих...

Фраза его „А що „К. К.“ „пошел в атаку против самостийников“, — то це ж нісенітниця. Будівничі „Казакії“ такі ж самостийники, як і Н. М. М.“ — лишний пример нісенітниці, какую часто несет сей почтенный, но не совсем удачливый автор.

В самом деле: что, собственно, по мысли Підгірного, „нісенітниця“ — то, что „К. К.“ „пошел в атаку против самостийников“ или то, что „будівничі Казакії“ такі ж самостийники, як і Н. М. М.? — Первое положение не требует больше доказательств. И „К. К.“ и сам Підгірний подтверждает наличность своих атак на самостийников. Значит, в данном случае это не есть „нісенітниця“, а правда. Если первое положение отвергает „нісенітницю“, то она очевидно находится во втором — именно: „нісенітниця“, что „будівничі Казакії“ такі ж самостийники, як і Н. М. М.“ С этим мы согласны. Эта нісенітниця для всякого очевидна.

Но мы уверены, что г. Підгірний не такой логический вывод имел в виду сделать при сравнении им В. К. с Мельниковым. Підгірний лишь ошибочно, очевидно, построил такую логическую фигуру, которая приводит к неожиданной и нежелательной для него самого же развязке. Несомненно, что г. Підгірний имел желание приписать В. К. антисамостийность и потому и подобрал для сей цели такое „сравнение“ как Мельников, но... потерял верную нить логического мышления и дошел до своей нісенітниці, до абсурда. Ибо действитель-

но же это абсурд — сравнить В. К. с... Мельниковым! И мы глубоко уверены, что даже самый непримиримый наш противник (все равно с какой стороны) — при условии, что он не потерял „десятой клепки“, — не откажет нам в самостийности и никогда, ни при каких условиях не „смешает“ нас с Мельниковым.

Утверждать голословно, что В. К. не суть самостийники, как очевидно старается в том Підгірний, так же смешно, как утверждать противоположное в отношении Підгірного и „К. К.“. И то и другое требует доказательств. В отношении „самостийничества“ Підгірного и „К. К.“ свидетельствуют фактическое содержание и форма публикуемых ими статей, так же, как относительно „самостийничества“ Мельникова и „Р. К.“ свидетельствуют их писания и утверждения. Мы предлагаем г. Підгірному и в отношении сомнительного для него самостийничества В. К. поискать подобных же доказательств в статьях и публикациях журнала „В. К.“.

Относительно того места „нотаток“ г. Підгірного, где он говорит о г. Сагардынском, постоянно выступающим в „Тризубе“ с различными нападками и „придрипками“ в адрес В. К., нам нечего много добавлять к тому, что мы уже однажды в адрес „таинственного“ Сагардынского сказали. И тон, и способ „писательства“, и уменье обращаться с логикой г. Сагардынского в „Тризубі“, — тон, и такой же „писательский стиль“, и такие же логические манипуляции г. Підгірного в „Куб. Крае“ (и очевидно, „общность целей“) изобличают более чем близкое сродство обоих авторов.

Гг. Сагардынским в свое время мы уже отвечали; можем теперь лишь посоветовать и всем г. г. Підгірным те ответы записать себе в памятную книжку. Ибо... и Сагардынский из „Тризуба“ и г. Підгірний из „К. К.“ — это, в сущности, повторяем, одно и то же.

В заключение настоящего своего ответа не можем не отозваться и на статью г. Манжулы „Запитання“. Ответ наш в данном случае весьма краток, т. к. ответ по существу затронутого г. Манжулой вопроса давно уже и исчерпывающе дан в статьях И. Билого „Казачья Земля“ в номерах 19—23 „В. К.“ за 1928 год. Повторяться для тех, кто пишет „запитання“, не потрудившись сначала узнать, что журнал по интересующему его вопросу писал, не будем.

Одно можем только отметить здесь: „статистический материал“, которым пользуется сам г. Манжула для того чтобы „доказать“, что казаков в Казачьих Землях меньшинство, удивительно напоминает подобные „материалы“ Мельникова и Богаевского.

Если бы г. Манжула читал наш журнал, он бы не спрашивал, боится ли В. К. того, чтобы казачье и неказачье (иногороднее) население Казачьих Земель слилось в одно полноправное население казачьего государства — Казакії, — т. к. он уже знал бы, что мы этого не только не боимся, а, наоборот, желаем этого, как мы уже неоднократно писали об этом (программа оказачивания старого, до-большевического иногороднего населения) и думаем, что фактически так оно и случится, ибо так, согласно историческому ходу будущих событий на Востоке Европы, и должно быть.

Думы и мысли.

Как гибло Донское Войско.

(Продолжение).

IV.

Очень часто приходится читать в официозах К. Союза, редактируемых г. Мельниковым, подпись „Правление“. Иногда над этим задумываешься, есть ли оно вообще, а если есть, то из кого состоит, когда происходили выборы и кто из казаков был избран в это Правление. Правда, имеются пометки в Вестниках о переменах „в составе Казачьего Союза“. Кто производит перемену в составе правления Союза — неизвестно. Мне кажется, что всякие изменения в Правлении К. Союза и перемена состава такового должна была бы производиться властью членов Союза — казаков всех Войск, ибо К. Союз организация общеказачья. Иногда производимые перемены в составе правления происходят при загадочных обстоятельствах. Одни, по каким-то причинам уходят (и, казалось бы, об этом казацкие организации должны были бы знать). Другие загадочно сначала „приезжают“, а потом, входят в состав правления Каз. Союза (как приехал из Сокрессии проф. А. П. Марков в 1922 г., ныне считающий себя генеральным секретарем Каз. Союза). Г. Мельников соизволил предоставить должность ген. сек. г. Маркову и сопроводить это особым „рескриптом“: „Исп. обяз. Генерального секретаря профессор Алек. Прокоф. Марков в заседании Правления Союза, состоявшемся 1 декабря, кооптирован в состав членов Правления и утвержден в должности Генерального Секретаря Казачьего Союза“ („Р. К.“ № 10, стр. 39, от 1929 г.). Приходится задать вопрос: Причем же здесь казаки и их организации, из которых состоит К. Союз? Мельников не считает с тем, что могли бы сказать казаки и, не спрашивая их, назначает угодных себе лиц в состав правления К. Союза. Не угодных членов Правления оттуда „уходят“. Не безинтересно знать, как себя чувствуют те лица, которые „загадочно“ входят в состав правления К. Союза, считают ли они себя ответственными за политический курс и за хозяйственное ведение К. Союза перед казаками, ибо на обложках Вестников указано: „Редактор Н. М. Мельников“, а дальше: „Издатель Правление Казачьего Союза“. На основании последнего, считают ли себя члены Правления Каз. Союза обязанными отчетом перед казацкими организациями за всех расходы, произведенных и производимых в настоящее время от имени К. Союза? Если не признается, то Мельников может опровергнуть и подтвердить ответственность правления К. Союза перед казаками эмигрантами, а в будущем перед Войском [Основание: параграф „б“ § 9 — „Войсковых Атаманов не вводить в состав Правления, ибо это — орган исполнительный, ответственный...“ (См. Св. № 1 стр. 4)]. Я мог бы этого не писать, но „многоуважаемый“ Николай Михайлович, касаясь расходов из Войсковых сумм, поставил казаков, в частности и меня, в обязанность „знать“: „Казаки должны знать, что расходовалось“ (См. „Р. К.“ № 7, стр. 16). Поэтому перелистывая все: „Ин. Лист“, „Сводки“, „Вестники“ и „РК“, я встретил единственный отчет за шестилетнее существование Союза (См. Вест. № 14 и 15, стр. 13). Быть может, Войсковые суммы мы, казаки, не имеем права контролировать, но средства, которые поступают (как бы скромны они не были) от казаков эмигрантов в К. Союз, не только должны, но и обязаны, как обязаны выбирать все Правление, ибо К. Союз возник за границей.

Чтобы в будущем Мельников снова не заговорил, что „от казацкой массы ничего этого не скрывалось“, то не скрываем и мы, что знали, но надеялись на Мельникова и подобных ему, что они злоупотреблять казаками не позволят. Одно Мельников из виду упускает, — что казаки жили не той жизнью, какой он, а позиционной, а сейчас бродячей. Теперь мы его узнали и больше помыкать собою не позволим, о чем Вольное Казачество говорит всем и каждому казаку. Подобные ответы казакам (со стороны Мельникова), как „знать“, могут последовать и в будущем для короткого и общего отчета во всех его действиях, как они уже по-

следовали: „Слава Богу, что сумели продержаться более 10 лет со дня оставления Донской земли, что сохранили не только Донскую организацию, но и поддерживали во время братьев Кубанцев и Терцев“. Вообще Мельников отчитывается, за свои неудачи, коротко — „не настало“ и валит если не на кубанцев, то на терцев, а, главное, на самостийников, что „они вносят разделение в казацкую семью“.

V.

В „Вестнике“ № 12 на стр. 5 г. Мельников в своей статье „Трехлетний юбилей“ К. Союза описывает его работу и указывает на помощь казакам, оказанную К. Союзом. Конечно, можно написать что угодно, ведь своя рука всегда владыка, а чужая не догадается. Думаюется мне, что пора его прошла писать казакам, наступило время для казаков доказывать ему, а поэтому обратимся к доказательствам.

Откроем Сводку № 2 стр. 6 и увидим там 15 видов оказываемых Союзом воспомоществований казакам, а если ниже на этой же странице посмотрим, то их занумеровано 20. Не будем их разбирать, о них в будущем скажут сами казаки в виде „Бухарестских писем“ (См. „В. К.“ № 65) или, как это уже было сказано на К. Совещании в 1928 г., после чего он вынужден был понизить свою нумерацию с 15 на 8 (См. В. № 18 и 19 стр. 45).

Не оставил он без внимания и казацкие переселенческое дело в заокеанские страны и устройство там казаков на землю. И по этим делам закончил тем, что на протяжении многих лет все свои „хлопоты“ превратил в „политический счет“ со своими противниками, ибо у Мельникова всегда на первом месте была „политика“, а не дело. (См. „Р. К.“ № 7 стр. 40 от 1929 г.). Можно безпристрастно признать за Мельниковым работу, это перевозка казаков из других стран во Францию, которая была начата частными организациями: „Технопомощь“ и „Общеказачье объединение“ (См. Св. № 2 стр. 47).

Что касается поступавших денежных средств в К. Союз от казацких организаций и отдельных казаков, то казаки из отчетов, ведущихся ген. Богаевским, не видят, кто из казаков пользовался и пользуется денежной помощью и в каком размере. Приведем пример из целой серии отчетов, отчет № 3. Вест. № 13 стр. 4. „А с остатком к 1-му сентября (См. отч. № 2) к 1-му ноября на приходе состоит — 882 фр. 70 с. За вычетом 725 фр., выданных 11 нуждающимся казакам на лечение, ночлег, проезды и пищу, — в остатке к 1-му ноября состоит 107 фр. 70 с.“. Правления Каз. Союза, которое регулировало бы все жизненные вопросы К. Союза, связанные с жизненными вопросами казацких организаций, правления, заслуживающего доверия, нет.

Если бы оно было, тогда не было бы мертвых станиц и хуторов. Нет правления и на тех началах, на каких Мельников его казакам „даровал“: „Мы за свободу народа и за правление народа“ (Осн.: См. Св. № 2 стр. 22).

Такое ведение дел в Каз. Союзе вызвало подрыв веры у казаков к головке К. С., а с этим появилось общее оскудение поступаемых средств в Союз для необходимых казацких нужд. Мельников, видя казацкую остроту к возмущениям К. С. и не желая допускать казаков (на выборных началах) до управления Каз. Союзом, но чтобы в будущем избежать „недоразумений“ перед всем Казачеством за неуспехи в материальной помощи нуждающимся казакам и за политическую свою работу он решил принять ряд мер: 1) Реорганизовал „Комитет Каз. помощи“, (См. Р. К. № 6 стр. 47), который, за отсутствием средств, несколько лет назад, прекратил свою деятельность. Это облегчает ему теперь свалить вину с больной головы на здоровую и такое явление уже последовало 18 января 1931 г. на казачьем публичном собрании, когда один из казаков говорил о бездейственности официальных лиц Дона и указывал на тяжелую жизнь седовласых стариков. Мельников, отвечая оппонентам, сказал казаку и казакам, что этот вопрос заслуживает большо-

го внимания и что на это у них есть „Комитет Каз. помощь“. 2) Избегая вмешательства казачьих Представителей в „политические“ дела Каз. Союза, решено выдвинуть казачий клуб. Сначала он выдвинут был во главе с А. П. Марковым, как бы в помощь К. Союзу и чтобы этим отвлечь казачье внимание от дел в последнем. В выдвинутом каз. клубе „казачки“ могут заниматься политическим „ремеслом“. Для поддержки авторитета клуба и своего престижа призывается на помощь русск. профессура. Таким образом Мельников остается снова властелином К. Союза, а вся моральная ответственность перед Казачеством, за бездельную работу по сбору средств и материальную помощь казакам с него слагается на „Комитет Каз. помощь“, как в „политическом“ ответственность падает на Правление К. Союза, в выборах какового казаки не принимают участия и членов правления не знают, а последние не считают себя ответственными и обязанными выступать с письменными и устными докладами для отчета перед казаками и освещать о ходе дел в Каз. Союзе.

Хочется спросить у г. Мельникова, его ли это слово: „Где же его выборное начало?“ „И все это под флагом... общечленности“... (Осн.: См. Ин. Лист № 11 стр. 18 от 1925 г.).

Все правление Мельникова сведено к тому, чтобы от имени казаков и без участия последних в своей жизни, решать участь Казачества и казаки им нужны для достижения их личной цели, что касается до прав казака, то он изолирован и беззащитен. Этим он Казачий Союз превратил в похоронное бюро для похорон Казачества. Он не прочь приветствовать 152 каз. орг. и, вошедших в К. Союз (Р. К. № 8 стр. 30). А что же сделано этими организациями для освобождения Родных Краев? Ныне на страницах „Р. К.“, органа К. С., он пишет о пустой Род. Краев. Тяжело быть зрителем подобных явлений!

VI.

Страница 15 „Р. К.“ № 7 от 1930 г. для нас, донцов, поучительная. На этой странице Мельников указывает казакам на расходы В. сумм и, указывая на израсходованную сумму, пишет: „около“, „свыше“. Что означает „около“, „свыше“ — „трудно“ определить простому человеку, быть может то, что означает „впредь“ и „до“. Я не буду сейчас касаться „околицы“ Мельникова, ибо он признался: „Когда уже ничего не осталось“. Я вынужден с тяжелым чувством засвидетельствовать то, что „не осталось“. В настоящее время моя задача — дойти по данным до „конечной точки“ Казачьего Союза и его С'ездов, ибо у Мельникова сказано: „На Войсковой Круг и казачьи с'езды израсходовано свыше 28,000 долл., т. е. свыше 700,000 фр.“. Это дает мне право перейти от „Р. К.“ № 7 к статье его „Беседы по казачьим делам“, где Мельников беседует с казаками о В. Круге и одновременно о Казачьем С'езде (Осн.: См. Ин. Лист. № 10 от 1 дек. 1924 г. стр. 9—13). В беседе своей Мельников обращается к казачу читателю с казачьим вопросом: „А почему Донской Атаман и Правительство не созывают Круга?“ Дальше он разъясняет казакам: „Созвать Круг может только Атаман, и всякий Круг, созданный не Атаманом, не может быть, по ст. 6-й признан законным Кругом“. Много он выставил в своих беседах причин, которые не позволяют собраться В. Кругу, вплоть до нарушения Осн. Зак. В. Донского, на каковые законы никто из казаков не собирается посягать, за исключением руссофилов и ген. Богаевского с Мельниковым, уже посягнувших на Основные Законы (См. Вест. № 14 и 15 от 1928 г.). Из всех „причин“ есть одна характерная, выставленная Мельниковым в своей беседе, а поэтому приведу ее полностью: „Или, быть может найдутся наивные люди, которые подумают, что Франция (или другая страна) даст специальные визы на в'езд для участия в заседаниях Войскового Круга?“ Иногда он допускает возможность „еще допустим“, но если вызвать в Париж „113 членов Круга“, то по тогдашнему его подсчету обошлось бы в 152,550 фр. Попутно с выставленным им подсчетом на В. Круг, он говорит о местном казачьем с'езде в Болгарии и указывает на

израсходованную сумму: „Даже местный небольшой казачий с'езд в Болгарии (Пловдив) обошелся свыше 50,000 лева, когда и жизнь еще была дешевле“. Теперь, можно задать вопрос, был ли где создан Войсковой Круг или ссылались ли Казачьи С'езды, как таковые т. е. полноправные, если созывались, то где? Полноправных Казачьих С'ездов не было, о чем было сказано выше, а Мельников своими данными подтвердил. Хотя у него есть еще заметка о В. Круге и Каз. С'ездах, которая является как бы для будущего отчета в израсходованных Войсковых средствах и ее можно встретить в „Р. К.“ № 1 от 1929 г. на стр. 41 в статье Мельникова „по поводу юбилея“, где восхваляются заслуги ген. Богаевского перед Войском. Номер по порядку заметки 31. Она гласит: „Попытки созвать Дон. В. Круг в Месемврии, в Болгарии; созыв казачьих с'ездов в Пловдиво (Болгария — 1921), в Новом Саду (Сербия — 1922), во Франции (Парижское совещание в августе 1924 г. — образование Казачьего Союза), деловое Совещание в Париже в апреле 1928 года“. Это побуждает меня для доказательства не отрываться от вышеуказанных с'ездов, выставленных Мельниковым, и заставить снова обратиться в „Р. К.“ № 7 от 1930 г., где указано о расходах на Донской Парламент и Казачьи С'езды, свыше 700,000 фр. Не буду отрицать и, может быть, и когда нибудь на содержание В. Круга израсходовано и больше, но хочется записать для общего отчета и дела, что небольшой местный казачий с'езд в Пловдиво обошелся в ту сумму, которую Мельников указал. Что касается 24 казачьих Представителей, которые приезжали в Париж 7 авг. 1924 г. и о которых Мельников напоминает нам в „Р. К.“ № 1 от 1929 г. и о тех 17 Представителях делового совещания (См. В. № 16-17 стр. 11), приезжавших и содержавшихся за свой собственный счет, то думаю, что расходы на указанные с'езды, „ошибочно“ внесены Мельниковым в общую сумму 700,000 израсходованных франков. Основание: 1) Обратимся за доказательством в Вестник № 12 от 1927 г. и на 1 странице ген. Богаевский говорит: „Три года тому назад, в августе 1924 г., по моему призыву, в Париже собрались представители от 24 казачьих организаций во Франции для обсуждения вопроса об Русском Эмигрантском Комитете“... Дальше: ... „Сами казаки постановили на станичных и хуторских сборах в разных углах Франции на свой счет послать в Париж своих членов“. 2) Что касается делового совещания, то ген. Богаевский писал казакам: „Предлагаю всем казачьим организациям обдумать этот вопрос и свое мнение прислать в Правление К. Союза, имея в виду, что ни Донское Правительство, ни Правление К. Союза не имеют средства для оплаты проезда и жизни делегатов в Париже (Осн.: См. Вест. № 12 стр. 2). Характерно расхождение дат и обманчиво для глаза казака количество с'ездов. Доказательство. Будем судить по Мельникову, то с'езд был в Пловдиво в 1921 г. — „созыв казачьих с'ездов в Пловдиво в 1921 г.“ и как будто не один, а ген. Богаевский утверждает, что с'езд в Пловдиво состоялся в 1922 г. и один — „это не был официальный С'езд представителей казачества, каким было в 1922 г. собрание их в г. Пловдиво“... Можно было бы на это не обращать внимание, но Мельников пристрастился „путать“, чтобы у казака без конца происходил обман зрения и если мы, безмолвствуя, просидим еще 10 лет за границей, то на страницах „Р. К.“ могут появиться сплошные вереницы мифических дат и с'ездов. Расходы таковых „с'ездов“ не покроешь не только „коренною собственностью Войска“, но и целым Войском, а нам, казакам, останется одно — слушать мелодию Мельникова: „Не настало еще время для опубликования полного отчета.“

VII.

Под предлогом не нарушения Осн. Зак. В. Донского и уклоняясь от созыва Казачьего С'езда, не избранный председатель К. Союза Мельников ищет всевозможных причин и, хоронясь за них, продолжает свою разрушительную работу среди казаков в эмиграции, взяв на подозрение не только казаков, но и депутатов В. Круга: „В дальнейшем уже на чужбине, в период Гнилорыбова Круг еще понизил кворум, доведя его

почти до 80. Это уже было совершенно неправильно, ибо нарушало Осн. Зак. В. В. Д. и тем, что и самый состав Круга, который принял это постановление, был меньше половины всего числа членов Круга. Эта ненормальность сразу и сказалась, ибо на посту Председательствующего появилась такая фигура, как полк. Гнилорыбов...“ Был бы прав Мельников, если бы он совместно с ген. Богаевским восстановил бы „пробел“ ненормальности, не путем хотя бы созыва В. Круга, которого без нарушения известного нам Закона созвать нельзя, а путем полновесных Казачьих С'ездов или С'езда.

Высказываясь вообще по поводу В. Круга, ген. Богаевский готов принимать от членов Круга только доброжелательные письменные советы и указания: „Не имея возможности теперь сделать сбор В. Круга в его законном составе, я попрежнему готов принимать всякие доброжелательные как личные, так и письменные указания и советы членов В. Круга“ (См. В. № 10 стр. 6). Взяв депутатов В. Круга под подозрение, „и тем, что самый состав Круга“ Мельников, как бы вторя ген. Богаевскому, тоже готов принимать доброжелательные отзывы, но только от членов Союза и, описывая трехлетний юбилей Союза, он просит: „Просим Членов Союза откликнуться и поделиться своими замечаниями, отзывами и пожеланиями по поводу высказанного (См. В. № 12 стр. 7). Этими „пожеланиями“ мы, казаки, и живем. Все было бы так смешно, если бы не было бы губительно и грустно.

Создавая Казачий Союз и зазывая туда казаков Мельников писал: „Зарубежные казаки еще раз громко и организованно заявили, что они попрежнему ценят традиции вольного казачества, одинаково понимают и оберегают казачьи вольности, хотят остаться казаками, сохранить и восстановить свободное казачество на родной земле в его прежней силе. Этот единодушный отклик казаков со всех концов света показывает нам и всем нашим друзьям и недругам, что казачество живо, что есть у него „порох в пороховницах“, что казачество еще своего последнего слова не сказало... Оно хочет жить — и будет жить, не смотря на все усилия большевиков слева и большевиков (по духу и приемам) справа вырыть свободному казачеству могилу: не уничтожат его первые, хотя пытались они упразднить и самое имя казачье, не вынут из него душу живую и вторые, стремящиеся оставить казаку одно лишь имя и галуны и ненавидящие его законодательный Круг и Раду, его выборное начало, его вольности. Казачество показало и доказало, что оно понимает и ценит свои вольности, оно их сохранит и отстоит, не смотря на все попытки врагов раз'единить казаков и ослабить их; оно справится и изживет даже измену своих...“ (Осн.: См. Сводку № 2 стр. 2 от 1926 г.). Так писал и „защищал“ Мельников казачьи вольности в 1926 г. от русских большевиков справа и слева, но случилась „беда“. Появилось Вольное Казачество и ныне он от имени того же Каз. Союза, обвиняет самостийников в большевизме за то, что они защищают те вольности, о которых он когда-то проповедывал сам среди казаков. Мельников ищет среди самостийников Голубова и приравнивает лучшего казака Балинова к последнему. Для Мельникова законы не писаны, а поэтому он все „строит“ на присяге „впредь“ и „до“ и, если паче чаяния его, Мельникова, Россия не будет такой, какой он хочет, то присяга Мельникова будет без конца той крыловской лягушкой, которая захотела с волком сравняться.

Тяжело писать. Подчас останавливаешься и спрашиваешь себя: надо ли писать? В казачьем сердце ответ находишь: Надо! Продан Дон! В Войске удав завелся, который на протяжении десяти лет своими зигзагами втоптал и загрязнил седины Вольного Тихого Дона.

(Продолжение следует).

И. Скобелин.

Напрасные усилия.

Есть такая восточная легенда: к одному мудрому старцу пришли два спорящих. Выслушав обоих, старец приказал обоим с миром идти домой. Первый, жалобщик, удивился: „А как же моя жалоба?“ — Старец ответил: „Если ты сам хочешь жить хорошо, дай возможность жить другому“.

Эта легенда (слышал я ее еще в детстве) все чаще и чаще мне вспоминается, особенно в последнее время. Иначе говоря, с тех пор, как я более систематично читаю „Вольное Казачество“ и иногда присутствую при возникающих спорах по поводу „измены“ и „самостийности“.

Лично я никогда не принимаю участия в спорах. Прежде всего, есть истины столь непреложны, что совершенно не нуждаются в их оспаривании, — для полного торжества их нужно время и терпение. Спорить же, значит дергать нервы, а мой принцип сводится к тому, что нервничать будем завтра. Но я всегда охотно отвечаю на вопросы, если меня, конечно, спрашивают. А в последнее время в связи с „Р. К.“ и „В. К.“ все чаще и все больше спрашивают: в чем дело? На это в два слова не ответишь.

Мне помнится, еще в конце 80-ых годов мои и ныне здравствующие друзья, узнав, что я очень близок к народолюбцам и сам веду несколько кружков, говорили: „К чему все это? Все равно еще никто не дожид до торжества истины“. Сейчас, будучи уже в третий раз в эмиграции, с гордостью могу констатировать, что если и кто, то в первую очередь я получил абсолютно полное удовлетворение. Та идея, за которую мы десятилетиями мерили пространства от юго-востока до крайнего севера, за которую мы неоднократно подвергались лишениям свободы и некоторых гражданских прав, сейчас совершенно безнаказанно провозглашается Брианном, задавшимися целью создания европейских соединений штатов.

В свое время мы были скромны в своих политических вождениях. Считаюсь с западом и с его культурой, мы прежде всего думали о своей стране, обширном крае с двенадцатью языками. По нашему разумению, нам нужно было устраивать лучше жизнь внутри себя и не соваться со своим уставом в монастырь Запада. Раз вопрос о правах народов и об облегчении их бытия принял в наше время европейский масштаб, то, по моему, мы, идя навстречу этой идее, тоже должны подготовиться к делу и прежде всего без лишнего нервов и волнений разобратся внутри себя. Для этого необходимо совершенно беспристрастно разобратся в двух понятиях: „измена“ и „самостийничество“.

„Измена!“ — Кто, кому и в чем изменил? Я не буду углубляться в историю, которая уже ясна донцам, что наряду с иноплеменными народами, вошедшими со своими территориями в состав б. Российской империи, Казачество, собственной кровью и потом добиваясь воли вдаль от московского центра и создавшее свою собственную историю, живущее особым укладом жизни, со своими традициями и обычаями, имеет абсолютное право на самобытие. И если там, на Родине, в силу известных обстоятельств, об этом нельзя было громко говорить, то здесь, в вольных краях мы не только должны, но и обязаны ставить все точки над „и“.

Упрекать Казачество в „измене“ могут лишь те, кто сами являются изменниками. Вопрос о казачьей самостоятельности поднят в то время, когда династия пала и до тех пор, пока в бывшей России господствует разрушающая сила, нет законного преемника этой династии. Как будто выходит, что и изменять то некому. Но вот каково положение тех казаков, которые, не осознав наличности своего положения, стараются толкать Казачество в сторону бутафорских престолов, созданных утешения юродивых ради за рубежом? Считаю себя политически зрелым элементом Казачества, они не чувствуют, в каком комичном положении они пре-

бывают и тем самым и прежде всего являются изменниками Казачеству. Будем или не будем мы заглядывать вперед — будет так, как этого захочет жизнь. Будем или не будем мы спорить о формах послебольшевицкой Восточной Европы, они будут теми, какими их сделает сам народ. Но только одно могу сказать с уверенностью: бывшему произволу возврата нет.

Мне вспоминаются два эпизода. На одну из казачьих вечеринок были приглашены в гости не казаки. Уже после официальной части ко мне подошел один из наших кубанцев, долго до того говоривший с этими гостями. Он сказал мне: „Для того, чтобы сделаться самостийником, нужно было ехать в Берлин!“ Я понял его без объяснений. Тем более, когда спустя некоторое время эти же гости обратились ко мне с какими то советами, „Советы“ в тоне „указания младшему брату“... Сами понимаете...

Второй случай. Тоже на вечеринке. „Оратор“ из гостей поет дифирамбы казакам. Мы, дескать, рязанские, вы — доблестные витязи — вперед, а мы тихонько за вами...

Я громко расхохотался: опять казаки вперед?

Как будто мелко, но зато очень поучительно. По моему, каждый любящий свою родину и стремящийся к ее благу должен гордиться званием самостийника. Это слово очень веское, оно обязывает относиться к себе, как к патриоту.

Не одно Казачество в таком положении. Возьмем хотя бы к примеру Украину. Уж не она ли свято хранила статьи Переяславского договора, несмотря на систематическое нарушение их Москвою? Не она ли, имея все права на это, после падения династии открыто стала на путь самостоятельности? Но лизоблюдство еще не изжито. Есть оно среди украинцев, хватает его и у казаков. И меня не это огорчает. Меня просто поражает близорукость так называемых „вождей“, не желающих считаться с тем, чего требует сама жизнь. Напрасны совершенно их усилия свергнуть новое течение в старое русло; трудно плыть против течения, но еще труднее создавать искусственные преграды на пути, намеченному самой жизнью. Как бы они ни спорили, как бы ни отстаивали правоту своего мировоззрения, будет так, как жизнь этого захочет.

А жизнь властно диктует свои требования. Ее темп значительно быстрее сейчас. Если за осуществление нашей народнической мечты только спустя пятьдесят лет подала голос Европа, то, считаясь с темпом нашего времени, для упорядочения жизни внутри нас самих, потребуются лишь года.

Мне думается, что наши „государственники“ не так уже обременены работой, а для сплетен и сочинений пасквилей тоже не много нужно времени. Я от души советую им использовать часы зарубежного досуга в чтении произведений тех, кого уж никак нельзя заподозрить в костности, а именно: 1) Данилевский — „Беглые в Новороссии“, „Девятый вал“ и др. 2) Минцлов — „Секретное поручение“, „За мертвыми душами“, „Царь Берендей“. 3) Наживин — все, особенно: „Среди потухших маяков“ и т. д. Вместо политической белеберды, создаваемой какими то особыми „отделами“ и „управлениями“, вместо угара кондитерских и ресторанных разговоров, у них явится иной правдивый интерес к жизни, освежатся мозги, и мысль получит правильное направление.

Жизнь — великий учитель.

Г. Антонович.

Берлин, июль 1931-го года.

Письма в редакцию.

I.

Станичник Редактор!

Я отправил Вам письмо, полученное мною от... с тем, чтобы Вы его поместили в родном казачьем жур. „В. К.“. Вы, зная боль казаков, откликнулись на нее, а поэтому поместили мое письмо целиком в жур. „В. К.“. За это говорю Вам казачье спасибо. Посылая Вам письмо я одновременно послал копию письма в жур. „Кав. Казак“. Но там письмо мое не было полностью помещено. Не знаю, чем они там мотивировали, но

вижу, что боль казачья им менее чувствительна, чем чувствительна она жур. „В. К.“. Можно было бы боль казака залечить содержанием жур. „Вольной Кубани“ в том случае, если бы надежды казаков оправдавались, но к сожалению содержание названного журнала „устраивает“ похоронную процессию нам, казакам, со всеми нашими скорбями здесь и там.

Вот, сейчас сижу и читаю в № 8 (98) „В. Кубани“ статью: „О казачьем пути“ (со сбора казаков в Н. Саду). Не знаю, так ли говорил ген. Звягинцев на собрании казаков в Н. Саду, как это передает казак под псевдонимом. Если так, то все сказанное ген. Звягинцевым напоминает мне погоню за двумя зайцами: „Мы утеряли наше великое Отечество — Россию и мы, казаки, утеряли кроме того и свое Войско“.

Знаю, что за этими двумя зайцами мы, казаки, гонялись с 1917 по 1920 г. г. и сейчас идет похоронная процессия Казачеству там и здесь. Но знает ли ген. Звягинцев это и народную поговорку: „За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь“.

От имени Об'ед. Сов. Дона, Куб. и Тер. он в Н. Саду напоминал казакам, что надо „знать“: ... 2) „Обязательно считать, что разрешение вопроса о форме правления в России составляет исключительное право самого народа и, что насильственное установление ее недопустимо“. И дальше сказал: „Вот тот путь по которому пошли, идут и будут идти Войсковые Атаманы, не сворачивая в стороны и это тот путь, по которому должны идти и мы вместе с другими русскими людьми“.

Не понятно, для чего мы, казаки, должны идти в Россию вместе с русскими людьми и сколько его рядов, если весь вопрос о форме правления в „России“ составляет исключительно „право самого народа“, т. е. русского народа. В подтверждение своего сказанного сошлюсь на слова другого члена Об'ед. Сов. Д., К. и Терека Н. М. Мельникова, который в Сводке № 3 на стр. 25 писал казакам из Указа Дон. В. Круга от 20 сен. 1918 г. следующее: „Партийные люди упрекают нас за „неопределенность“, мы же сошлемся лишь на слова Донского Войскового Круга, в указе его, единогласно принятом 20 сентября 1918 г. и обращенным по адресу русских крестьян: „Намерения навязать царскую власть России у казаков нет. Нет желания ломать копыа из-за республики — это дело самого русского народа“. Кому же верить, ген. Звягинцеву или Н. М. Мельникову? Не поверю ни тому, ни другому, а верю Донскому Войсковому Кругу и Кр. Раде.

Очевидно люди из Об'ед. Сов. Дона, Кубани и Терека собираются в „поход“ против Вольного Дона и Вольной Кубани, как они „ходили“ в дни ген. Деникина...

Боюсь, как бы братья-казаки в Н. Саду под влиянием ген. Звягинцева не ошиблись, выбирая себе станичного Атамана.

Д. Линник.

6 сентября. Франция.

II.

Уважаемый господин Редактор!

Не откажите в любезности дать место нижеследующим строкам:

Братья, казаки!

Вот уже 11-ый год на исходе, а мы все сидим за границей, чего то ждем и на кого то надеемся. Наученные горьким опытом, теперь уже все мы отлично поняли, что сидеть сложа руки, на кого то надеяться и ожидать какой-то помощи извне, нам не приходится. Теперь нам всем стало ясно, что если мы сами себя не освободим, то никто другой нас не освободит, и не только не освободит, но и помощи нам не даст. А если кто и пожелает нам помочь, то только тогда, когда мы будем представлять из себя силу, когда мы будем спаяны, когда все Казачество будет едино. Только в таком случае с нами будут говорить, считаться, только тогда можно будет искать какой либо помощи и рассчитывать на нее.

Но у нас этого еще нет. Мы к большому своему несчастью уже столько лет не можем сговориться, не можем объединиться. Время же не ждет. С каждым днем Казачество редет. Там, красные оккупанты на-

сильно уничтожают, здесь Казачество естественно уничтожается. Что же будет в конце концов? Значит, братья казаки, пока еще не поздно, мы все должны над этим подумать.

Не забывайте, братья-казаки, что в наших жилах течет вольная кровь, кровь наших предков, которые в тяжелые для них времена умели сговариваться, умели действовать.

Давайте-же, наконец, и мы сговоримся и объединимся по казачьи, как это делали наши предки. Давайте оставим личные счеты, оставим партии и группировки и станем под свои казачьи знамена. Будем поддерживать Вольно-казачье движение и родной и близкий нам журнал „Вольн. Казач.“. Только они нас приведут к желанной цели — объединению всего Казачества и скорому освобождению родных краев.

Братья-казаки! читайте и распространяйте журнал „Вольное Казачество“ только в нем найдете все казачье, родное и близкое Вам.

Наш до сырой земли поклон вождям Вольного Казачества и всем вольным казакам.

Ф. Г. Колбасин, Куб. Каз. Войска.

Я. П. Копылов, Вс. Войска Донского.

13/VIII/931. Поргарья (Греция).

Ответ.

Уважаемый станичник Валуйсков!

В № 84-85 журнала „В. К.“ была напечатана ваша статья, где вы изложили свою жалобу на то, что ген. Богаевский не удовлетворил вас удостоверением как хорунжего. По этому поводу я позволяю себе сказать через журнал „В. К.“ вам несколько слов — то, что подсказывает мне казачья совесть:

Я тоже сын Тихого Дона и имею заслуги такие, как и вы и за то же, даже выше. Но за что я их имею? — Я получил их за то, чтобы не жалел свою голову за благополучие русских сановников, которые праздновали в штабах и смеялись над нашими чинами, — что,

мол, нам стоит отпечатать: „Произведен за боевые отличия“. А когда коснется мирной обстановки, тогда все равно будем царствовать мы, а это все вон.

У меня тоже нет удостоверения о личности, а ежели и было бы, я скорей отослал бы его ген. Богаевскому, а не просил бы от него. Эти чины давались не за Вольность Седого Дона, а за „неделимую“. За что мы потеряли родину, семьи, жизнь, здоровье, славу, гордость и имя Казака? — Теперь казаки уже скрывают свою личность под маску того иностранца, у которого он проживает, чему я был свидетелем несколько раз.

Так вот, уважаемый станичник, с своей стороны я бы советовал вам не просить. А хотя бы и было удостоверение, отослать его парижанам. А попросить мы должны у тысячелетнего Старика Седого Дона, чтобы он дал нам чины, славу и вернул имя казака, а не генерал Богаевский, который залез в лагерь чужого толка. Теперь существует своя родная организация В. К., с которой мы, как один, должны восстать против русского мужика, который пьет казачью кровь как паразит, и когда выкинем эту нечесть, тогда мы должны подойти к Тихому Дону и попросить у него прощения за прошлые свои ошибки, чтобы Он снял с нас позорное пятно, которое мы получили в наследие от „неделимой“. Тогда то Седой Дон увидит наши заслуги перед собой и возвратит нам все бывшее-вольное, а достойных пожалует чинами и даст удостоверение о личности. Недалеко то время, чтобы стать нам, как один, на защиту Вольности и за поруганные Земли Казачьи, за тысячелетнего Старика Седого Дона, который стоит от тяжести гнета российского.

Вот, дорогой станичник, куда мы должны обратиться за заслугами и за удостоверением, а не к тем, которые жаловали, а теперь не признают этого, отказываются. Да они и сами отказались от своего родного Казачества, на которое клеветают своими лживыми словами.

С приветом к Вам, вольный казак

Емельян Кочетов.

Польша, 17-VIII. 1931 г.

Международные очерки.

I.

В области международных отношений минувшее лето и текущая осень ознаменовались рядом значительных событий, которые — почти все без исключения — так или иначе связаны с жестоким экономическим кризисом, поразившим в этом году весь мир, а в особенности Европу. Дело экономистов — исследовать это явление, найти его причины и наметить пути его преодоления; нам — достаточно будет остановиться здесь лишь на политических последствиях его.

От кризиса пострадали все европейские страны, великие и малые, промышленные и аграрные. Но, если не считать меньших государств, наиболее потерпела от него Германия. В ней первой обозначились все типичные признаки тяжелой экономической болезни; на ней можно наблюдать характерное для нашего времени органическое сцепление экономических причин, социальных бедствий и политических последствий этих явлений. Германия же стала центром, откуда по всей Европе раздвинулись эти последствия, — на запад и на восток, от образцовой доселе островной Англии до нелепого континентального СССР.

Окончательно определился германский кризис уже весной; тогда же стала ясно и вся сила его международного значения. Проявилось это в таких формах. В мае месяце германское казначейство стало перед невозможностью произвести государствам бывшей Антанты очередные взносы по обязательствам, вытекающим из военных долгов и репараций, установленных известным планом Йонга. Понадобились срочные визиты германских министров в Лондон и Париж с целью добиться отсрочки или, если возможно, то и полного прекращения указанных обязательств, годовая сумма которых рав-

на приблизительно двум миллиардам золотых марок. В Лондоне немцев встретили тепло, в Париже — со скептической улыбкой, но все согласилось на том, что без Соединенных Штатов Северной Америки разрешить этого вопроса нельзя. Ибо, — как это было известно и раньше, — почти все суммы, получаемые от Германии европейскими государствами в самый день получения их переводятся через Международный репарационный Банк на счет Соединенных Штатов.

Обратились к Америке, точнее — к президенту Гуверу, представивши ему через Лондон положение в таком виде, что если отсрочки не будет, то в Германии вспыхнет революция и гражданская война и, таким образом, платежи все равно будут приостановлены на долгое время, а может быть и навсегда. Гувер, опасаясь, за судьбу американских миллиардов, вложенных в германские предприятия, предложил мораторий на один год по всем междугосударственным обязательствам, имеющим связь с прошлой войной.

Предложение это было сделано в начале июня и принято всеми заинтересованными государствами мира уже в начале июля, что является своеобразным рекордом быстроты для международных дипломатических соглашений такого масштаба. Быстрота эта, однако, положения не спасла. Оказалось, как это предсказывали и раньше скептические французы, что репарационные суммы для Германии — капля в море, что ресурсы германского государственного хозяйства ослабели в конце и немцы не в состоянии даже в малой степени покрыть свои внешние денежные обязательства, не только международные, но и многочисленные частные. Государственная валюта Германии стала перед угрозой падения, хозяйство ее — перед банкротством.

А хуже всего было то, что экономические причины вызвали в народе хаос политических настроений и страшно стала овладевать лихорадочная, неустойчивая психология, направленная внутри на революцию, во вне — на международную авантюру, грозящую вооруженным конфликтом на восточных и даже на западных границах современной Германии.

Снова начались дипломатические поездки, конференции и переговоры. На первый план при этом выступили на этот раз уже не только экономические причины, но и политические последствия их. Определилось также одновременно и взаимоотношение сил европейских государств. Выяснилось, что для спасения Германии необходимы огромные кредиты, достигающие астрономических по величине цифр, и что эти кредиты безнадежно было бы искать где-либо, кроме Франции, ибо среди великих европейских государств только она одна имеет в настоящее время упорядоченное хозяйство, стойкую национальную политику и огромные денежные ресурсы, накопленные ее трудолюбивым населением. Оказалось также, что Франция не уклоняется от того, чтобы помочь Германии, но свою помощь обуславливает необходимыми ей политическими гарантиями и известными требованиями в этом направлении.

Из плоскости экономической весь или почти весь вопрос таким образом передвинулся в сферу международной политики. И положение его сейчас таково. Французские кредиты необходимы Германии, как хлеб изголодавшемуся человеку, но ее правительство не хочет или не может дать указанных выше политических гарантий. Не хочет потому, что этим подрезала бы корни своей же многолетней международной политики; не может потому, что если бы оно заявило об этом публично, то, без всякого сомнения, немедленно перестало бы существовать, упавши под давлением общественного мнения, а может быть и прямо восстания.

Как известно, вся послевоенная внешняя политика Германии построена была на стремлении возратить немецкому народу то „место под солнцем“, которое он занимал до начала войны. В необходимости этого убеждено все старшее поколение, — участники войны; в этом направлении воспитано и все младшее послевоенное поколение. Расхождений между немцами в этом отношении нет. Расходятся они частью лишь в том, что некоторые считают возможным добиться этого мирными дипломатическими средствами, а другие полагают, что необходимо прибегнуть к оружию и к войне, хотя бы и на два фронта.

Бессменный на протяжении многих лет германский министр иностранных дел, — великий, как его называют немцы, Шгреземан, ныне уже покойный, умел объединять в своей политике оба названных средства, пользуясь одним из них для своих дипломатических выступлений во вне, а другим, — успокаивал внутренние политические порывы. Проводя на западе линию так называемой западной ориентации, выражавшейся в стремлении сближения и соглашений с Францией, на востоке культивировал он ориентацию восточную, основа которой лежала в прочном и неразрывном союзе Германии с большевизской Москвою, в руководстве ее международной политикой, в материальной, военной и дипломатической помощи советскому государству.

Шгреземан был одаренный и авторитетный человек и потому ему удавалось до некоторой степени эта извилистая политика. Заместителям его такая задача оказалась не под силу, и они все более и более отчетливо переходят на сторону восточной ориентации против западной. В этом направлении толкают их и внутренние настроения в Германии, выразившиеся за последнее время в резком усилении крайних политических течений. Слева — это коммунисты, действующие по указке из Москвы; справа — гитлеровцы, иначе гаеккрейцеры, — еще иначе, национал-социалисты, идущие по линии грубого национализма и добивающиеся военного реванша в союзе с СССР, восстановления довоенных границ Германии в Европе и возвращения некогда принадлежавших ей заокеанских колоний. Поощряемы, как это им казалось, были они в этой политике известным благорасположением к Германии со стороны два года державшегося в Англии социалистического правительства Мак-Дональда, а также и экспрессивными высказываниями всемогущего итальянского диктатора Мусолини. Год тому назад был даже такой момент, когда казалось, что вот-вот будет организован мощный „восточный“ дипломатический и даже военный блок, направленный против, так называемой, виновницы всех германских бед, — разбогатевшей и слишком уверенной в себе — Франции.

На сегодняшний день все эти внешние обстоятельства резко изменились. В Англии упало социалистическое правительство, и во главе нового национального кабинета стал, правда, все тот же физически, но совершенно иной политически Мак-Дональд, и англичанам сейчас временно не до германских дел. Точно также ушел от Германии в сторону и Мусолини, так как Италии пораженной экономическим кризисом, тоже сейчас не до империалистических возгласов и поощрений. Германия осталась, так сказать, один на один с Францией.

Один на один, без промежуточных свидетелей и посредников, идут между ними и переговоры. Начались они месяца два тому назад в Париже, куда съездили германские министры, и продолжались в Берлине, куда, две недели тому назад впервые после Берлинского конгресса в 1878 году, приехали министры Франции. На последнем свидании представлены были: с одной стороны, крепкое французское правительство Лаваля, сильного своим единодушием с национальным мнением своей страны, с другой — германский канцлер, бюкшийся в сетях затруннений, внутренних и внешних. Для всех и каждого совершенно ясно, как и о чем они могли говорить между собою, но официальные сообщения об этом молчат, ограничиваясь лишь указанием на возможную любезность и взаимное благорасположение. Из этого можно сделать то заключение, что общего языка еще не найдено, что решения еще не принято. Каковы будут эти решения и каково будет к ним отношение таких заинтересованных в нем стран, как Англия и Сев. Америка, говорить преждевременно. Слишком все это важно для нас, — людей востока Европы, — чтобы довольствоваться в таком деле своими гаданиями, хотя они и напрашиваются под перо. Лучше, однако, подождать реальных фактов.

Казачья эмиграция.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция „В. К.“ поздравляет всех читателей нашего журнала со старинным всеказачьим праздником Покрова Пресвяты Богородицы. Пусть этот день станет днем всеказачьей солидарности, днем согласия и единения всего Казачества — там, дома, и в рассеянии сущего!

Поздравления редакции „В. К.“ с праздником Покрова.

I.

Редакции журнала „Вольное Казачество“ в Праге.

Именем Майдана вольных казаков г. Лиона, состоявшегося 20 сентября с. г. поздравляем редакцию журнала „Вольное Казачество“ с торжественным днем старинного Всеказачьего Праздника, припадающего на день Покрова Пресвятой Богородицы (14 окт. н. ст.). Вольные казаки г. Лиона твердо и неуклонно верят в то, что недалек тот момент, когда все Казачество, как потустороннее, так и зарубежное, сойдясь в едином порыве, провозгласит:

„Наш девиз — Казачья Воля,
Казакция — наша цель.“

Верим и исповедуем, что оный час не за горами...

Представители журнала „Вольное Казачество“ в г. Лионе: А. К. Ленивов. Т. К. Хоруженко.
1931. 22-IX. гор. Лион.

II.

Редакции „Вольного Казачества“.

Именем Майдана вольных казаков города Южина, состоявшегося в день 27-го сентября с. г. поздравляем вас всех работников журнала „Вольное Казачество“ с высокоторжественным днем старинного Всеказачьего праздника — Покрова Пресвятыя Богородицы. Верим и надеемся, что час освобождения Казачества близится. Да здравствует Вольное Казачество!..

Вольные казаки Южина: Санжа Аршинов, Иван Болдырев, Л. Кравцов, М. Козлов, Н. Белобородов, Ив. Ванькин, Сацунов, Максимов, Ан. Ивановсков, Разливаев, Лаврухин, Бальзирова.

1931 года. 27-IX. Южин. Франция.

Вольно-казачье движение в г. Лионе.

9 августа с. г. в помещении Grand-Café terminus (place Ronde, terminus tram. № 2, Lyon-Montchat), состоялась встреча-знакомство 1-ой группы вольных казаков (самостийников), проживающих в г. Лионе. На собрании присутствовало всего 24 казака (донцы, кубанцы, терцы).

Следуя обычаю, установившемуся среди кавказских казаков, собравшиеся выбрали для руководства собранием — „тамаду“, каковым и оказался А. К. Ленивов, предст. „В. К.“ в г. Лионе.

В первый раз встретились в тесном кругу — казаки-самостийники, в первый раз в г. Лионе раздалось свободное вольное казачье слово. И надо отметить, что собравшиеся вольные казаки 1-ой Лионской группы не забыли достойным образом поблагодарить тех, чьими трудами, энергией и решимостью, развилось В. К. движение в г. Лионе, именно представителей „В. К.“ в Лионе, — А. К. Ленивова и Т. К. Хоруженко, коим была устроена продолжительная овация.

В речах выступавших есаула Хоруженко (кубанец), есаула Новакова (терец), сотника Криштопы (кубанец), хорунжего Абрамова (донец), подхорунжего Гавриленко (кубанец), подхорунжего Пимкина (донец), вахмистра Бублика (кубанец) и др. — ясно и неуклонно проводилась одна мысль, именно „прошлое, настоящее и будущее истории Казачества — обязывает всех казаков выполнить свой долг перед Казачеством, искони свободолюбивым, вольнолюбивым“.

Поздним вечером закончилась затянувшаяся казачья беседа и последний бокал пива по предложению „тамады“ А. К. Ленивова был поднят и выпит за процветание и жизнедеятельность современного В. К., в ряды коего идут все смелые, все решительные, все готовые к смертному бою за честь и славу Казачества.

23 августа в том-же самом помещении (постоянное место встречи Лионских самостийников — В. К. в 4 часа дня состоялась встреча-знакомство 2-ой группы вольных казаков, проживающих в г. Лионе. „Тамадой“ был избран есаул Т. К. Хоруженко предст. „В. К.“

На собрании 2-ой группы присутствовало 28 вольных казаков (самостийников).

С речами выступали: полковник Тюрин (донец), есаул Хоруженко (кубанец), есаул Кувиков (донец), есаул Луговсков (донец), хорунжий Федоров (кубанец), предст. „В. К.“ в г. Лионе — А. К. Ленивов (донец) и др.

Выступавшие ораторы в большей или меньшей степени огнеили положительный успех в деле развития движения В. К. на местах и выразили уверенность в том, что не далек тот час, когда Казачество обретет вновь свободу и вновь право жить и развиваться.

Большое впечатление на присутствовавших произвели два выступления полк. Тюрина (командир 76-го Донского Георгиевского конного полка), который говорил:

Я — вольный казак издавна. При переходе границы В. В. Д. в 1918 г. (в Воронежскую губ.) меня предавали военно-полевному суду за то, что я с своим полком не желал идти далее границ своего родного Донского Войска. В 1920 г. генерал Стариков на Черноморском побережье отрешил меня от командования полком — за мое стремление пробавиться во главе полка в Грузию, и, наконец, в 1927—1929 г. г. „вожди Казачества“ господа Богаевские, Мельниковы — не могли терпеть, не могли выносить моей фигуры в качестве Атамана Общеказачьей станицы в г. Кресо, „правда глаза ела“ названным лицам.

Что увидел я здесь в г. Лионе по своему приезду? — ничего или, в крайнем случае, то, что не ожидал встретить. „Старый хрыч“ Кушнарев ведет свою работу против В. К. с благословения г. Богаевского и по указке г. Мельникова. Подобные-же вещи я сам наблюдал в течение ряда лет моего пребывания в г. Кресо.

Выход для казаков по моему мнению один — „чем умирать под фабричной трубой“ то лучше попытаться силой оружия и ясностью мысли, добиться восстановления и освобождения Казачества, преданного на растерзание т. н. „вождями казачества“, которые и теперь еще пытаются говорить от имени казачества. Став под знамена В. К. мы, казаки, должны смело и неуклонно идти к осуществлению одной цели — независимости Казачества, а поэтому нужна большая подготовительная работа, именно пропаганда, пропаганда и пропаганда среди казаков идей и мыслей Вольного Казачества. Пропаганда в наше время — великое оружие“.

А. К. Ленивов подробно изложил собравшимся вольным казакам — обстоятельства, сопровождавшие его поездку в Париж, встречи — с Парижскими вольными казаками и ред. журн. „Вольное Казачество“ — И. А. Билым, ред. журн. „Ковыльные Волны“ — Ш. Н. Балиновым, Атаманом Донской станицы — есаулом Трофимовым, Атаманом Кубанской станицы полк. Жуковым и др.

6 сентября в обычном помещении (Grand-Café terminus, place Ronde, terminus tram. № 2 Lyon-Montchat) состоялась встреча-знакомство 3-ей группы вольных казаков (самостийников), проживающих в г. Лионе.

Тамадой был избран предст. „В. К.“ А. К. Ленивов, пом. тамады подхорунжий Дорошенко (кубанец); на собрании присутствовало тридцать вольных казаков (донцов, кубанцев, терцев, уральцев).

С речами выступали: полковник Сазонов (донец), под'есаул Фомичев (уралец), есаул Хоруженко (кубанец), хорунжий Настоящев (донец), б. преп. Донского Кад. Корп. Маргаритов (донец), ст. уряд. Сотников (кубанец), подхорунжий Меркушев (уралец), подхорунжий Крикнов (терец) и др.

С приветствиями, обращенными к вольным казакам г. Лиона, выступали — сотник Горбатенко (от имени Украинского Військового Товариства в г. Лионе) и есаул Бойко (от Украинської Громади в г. Лионе). Необходимо указать, что контакт между В. К. и Украинскими организациями (в г. Лионе) — полный.

Тепло и задушевно прошла встреча 3-ей группы вольных казаков г. Лиона, закончившаяся пением Донского, Кубанского и Терского Войсковых гимнов и песен.

Вольно-казачье движение в г. Лионе развивается неуклонно, захватывая все более и более широкие круги казачьей эмиграции, какой здесь более 1200 человек. Успеху движения во многом и очень многим способствовала „умная“ деятельность господина Кушнарева,

сподручного парижских „вождей Казачества“. Г.-н. Кушнарев в своей бессильной ярости много не разглядел в идеологии „В. К.“ и вследствие этого „прокозырился“ в своей игре-борьбе с местными вольными казаками.

Между прочим, в руки казаков гор. Лиона попала Мельниковская „инструкция“ по борьбе с вольным казачеством на местах... Она вещь в свое время, при определенных обстоятельствах, сыграет известную роль. Поживем увидим!..

(Соб. кор.)

В поисках земли.

Редактору журнала „Вольное Казачество“.

Глубокоуважаемый станичник Редактор! Мною получено письмо-информация от А. Лысенко, атамана Америк.-Куб. станицы в Парагвае. Мне кажется, что оно представляет некоторый интерес для читателей нашего журнала „В. К.“, которые прочитали первое письмо от г. Лысенко в № 81, поэтому считаю долгом послать редакции копию информации для помещения в журнале. Пусть каждый заинтересованный внимательно прочитает и сделает выводы.

Примите мой искренний казачий поклон

Як. Ковган.

12-IX-1931 г.

10-VIII-1931 г.

Атаману Скоплянской станицы, Якову Ковгану.

М. Г.

Ваше большое письмо получил. Рад, что есть желающие сесть на землю. Да, это место отвечает — то, что было у нас на Кубани. Я проехал Перу, Боливию и Аргентину и остановился здесь. Дальше никуда не уеду, кроме Родины, если будет возможность. Посылаю Вам письмо для журнала. Что еще Вас интересует пишите — отвечу. Возьмите на себя труд быть нашим представителем по записи желающих ехать сюда.

Готовый к услугам, А. Лысенко.“

„Милостивый Государь, г. Редактор. Не имея возможности ответить на все запросы по поводу поселения на землю в республике Парагвай — департ. Енкарнасион, колония Уру-Сапукай, где правительство дает землю, как указано в 1-ом письме моем, помещенном в № 81 журн. „В. К.“, поэтому прошу Вас не отказать напечатать и это письмо в Вашем журнале.

1. Правительство Парагвая богато землей хорошей, нуждающейся в работе, но бедно капиталом, а потому желающие переехать должны образовать группу или станицу и от имени ее возбудить ходатайство перед Лигой Наций, чтобы перевезли к месту поселения с правом возврата (расхода на проезд Я. К.) в будущем.

2. Маршрут поездки — из Европы до гор. Монтевидео (столица Уругвая); там надо пересечь на 2-ой пароход, идущий по реке Порано до гор. Асунсьона (столица Парагвая). В Асунсьоне надо обратиться к ген. Эрну, который исхлопочет Вам бесплатный билет по жел. дороге до гор. Енкарнасиона, а оттуда 17 килом. до колонии Уру-Сапукай. От Монтевидео до Асунсьона пароход стоит 48 аргент. пезо, а из Европы до Монтевидео можно справиться на месте жительства — смотря от какого пункта ехать.

3. Жизнь в Парагвае на 1 чел. в месяц, не считая квартиры, которую старые поселенцы дадут бесплатно пока каждый не устроит себе сам — 4-5 арг. пезо.

4. Очистка земли легкая, можно нанять срубить лес, спалить и посеять — 50—60 арг. пезо.

5. Можно сидеть на земле чистой и пахать землю плугом или пасти скот; это дешевле на 1/2.

6. Посевы начинаются с сентября — до января. Это лучшее время — кто желает прибыть сюда. Кто в сентябре посеет, то в декабре или январе уже будет иметь пищу от своего урожая.

7. Можно прехать и поступить работать к старым колонистам, которые будут его кормить и за это расчистят землю и посеют, что надо. Особенно теперь уже оказали неоценимую услугу кубанцам местные колонисты: В. В. Жук с. Радомыш, вол. Болонковской уез. Лудца-Волын. губ. и Ф. М. Рехлюк из того же места, — села Новостава. Честь и хвала таким серьез-

ным людям, редко таких людей найти в настоящее время — казачье им спасибо.

8. По поводу сбыта продуктов очень хорошо, колония от гор. Енкарнасиона 17 км., который стоит возле реки Порано, а с другой стороны гор. Пасадосы (Аргентина). Конкуренции нет.

9. Поддаданно необязательно, повинности никакой: ни военной, ни гражданской.

10. Кредиты достать трудно для сельского хозяйства.

11. Правит страной партия либеральная, каковая отнесения к нам никакого не имеет.

13. Язык испанский, вера католическая.

14. Стать на ноги колонист может в течение года, смотря какие имеет средства; без средств на год позже.

15. Одиноким лучше брать себе в жены из Европы ибо парагвайки ленивы.

Атаман Американо-Кубанской

Казачьей станицы А. Лысенко.“

С подлинным верно, Атаман Скоплянской

Общеказачьей станицы Як. Ковган.

В Париже.

26 сентября в помещении ресторана „Волга“ (10, rue Cordelières) состоялось собрание-вечер недавно возникшего в Париже „О-ва ревнителей Кубани“. Помещение было декорировано флагами: донским, кубанским, терским и русским. Вечер открыт был русскими песнями. Из кубанских спета была только „Ты, Кубань.“ В одной из песен (Корниловская!) кое кто запел и про царя... Собрание затянулось почти до утра.

Среди других присутствовали: генерал А. Шкуро и г. Иванис.

С. С.

Письмо в редакцию.

Глубокоуважаемый станичник Редактор!

Не откажите в любезности поместить в журнале „Вольное Казачество“ следующее:

Правление Общеказачьей станицы на Словакии решило пригласить хор Платовцев под управлением Н. Ф. Кострюкова. Условия для устройства концерта были подходящие, так как Н. Ф. Кострюков пошел навстречу организации и всячески старался придать концерту вид как бы казачьего праздника.

Члены станицы начали усиленно распространять билеты, рекламировать концерт афишами и путем заметок и объявлений в словенских газетах, усиленно готовясь ко дню концерта, который был назначен в субботу 10-IX-1931 г.

Почти половину билетов удалось распространить еще за неделю до концерта, но в это время появляются в жидовских, мадьярских и немецких газетах объявления о том, что 24-IX приезжает в Братиславу настоящий казачий хор Жарова (original donkozaken). Далее в объявлениях говорилось о том, чтобы публика не смешивала концерта 24-IX с концертом 19-IX, т. е. с концертом хора Платова.

Появились афиши и публика не знала, когда будет концерт. Многие спрашивали, почему концерт отложен на 24-IX да и вообще иностранцам трудно было разбираться, где хор Платова, а где Жарова, так как все знают донских казаков и различий между хорами не делают.

Концерт Платовцев был устроен в прекрасном зале т. наз. „Vladna budova“, сцена которого была украшена флагами 12-ти казачьих Войск, с огромным донским флагом в центре.

Концерт прошел с огромным успехом, несмотря на то, что весь зал не был выпродан (около 3/4).

Программа была составлена Н. Ф. Кострюковым очень удачно. Из 17 песен было 12 казачьих; 2 украинских и 3 русских.

Ясно, что наиболее эффектными были песни казачьи, которые привели публику в неописуемый восторг. Почти все песни должны были быть повторены, некоторые и несколько раз. Заключительный же номер концерта — казачек был исполнен знаменито. Особенно показав себя Володя Лазарев, который своим исключительным темпераментом и искусством публику прямо

очаровал. Словом моральный успех был выше всяких ожиданий.

24-IX 1931 концерт Жарова. Зал жидовского кино „Атлон“. Публики много. Программа следующая: духовные песнопения (Многолетие Державе Российской), песнь слепых нищих, хор мужиков из оперы „Князь Игорь“, вдовья да по Питерской, очи черные, романс, комаринский мужик, тоска по родине, марш, две гитары за стеной, романс, вечерний звон и донская песня.

Как видно из программы, казачьего ничего нет. Тем более удивляет поведение г. Жарова, который, рекламируя себя в жидовских газетах, называет свой хор настоящим казачим (original) и тем самым хор Платовцев, как бы не настоящим, подделывающимся под донских казаков.

Такое заявление было очень рискованно, ввиду того, что из 14 песен, хор Жарова исполнил только одну казачью, да и та была спета как угодно, но не по казачьи.

Так что со стороны г. Жарова было самозванством и оскорблением казачества, выдавать свой хор за казачий.

Думаю, что поступок г. Жарова как к хору Платова, так и к казачьей организации не был казачьим, если не сказать больше. В каждом случае, хор Платова под управлением Н. Ф. Кострюкова приносит в сто раз более пользы казачеству, чем г. Жаров с своими „комаринскими мужиками“.

Хор Платова по праву мог бы называться национальным казачьим хором, во всяком случае до тех пор пока во главе его стоит природный казак ст. Цымлянской Н. Ф. Кострюков.

Будем надеяться, что и в дальнейшем Н. Ф. будет с платовцами ширить по белу свету красоту и удалу казачьих танцев и песен.

И. Безуглов.

Братислава, 26-IX-931.

В Казакии.

По советским газетам.

На хлебном фронте.

Главная тема Ростовского „Молота“ и Краснодарского „Кр. Знамени“ на „хлебном фронте“ в сентябре — молотба, вывоз хлеба и осенний сев.

„К. З.“ 19 сентября приказывает: „Взять хлеб у кулака“. „Сжать сроки сева“.

А на второй день: „Сдвига нет“. „Надо сеять, а к севу не готовы“.

В „М.“ 21 сентября читаем: „Прогулы и простои быют по темпам полевых работ“. А на второй день: „Зерносовхозы недопустимо затягивают молотбу и сдачу хлеба“. „На полях еще много необмолоченного хлеба“.

„Ликвидировать прорыв“ на фронте осеннего сева — распоряжается „К. З.“ 23 сентября. Там же узнаем, что „финансовый план выполнен только на 77,9 проц.“.

В тот же день из „М.“ узнаем, что „Тихорецкий район... позорно отстает в хлебозаготовках и других текущих сел.-хоз. работах“...

„Круто вверх темпы обмолота“, командует „М.“ 25 сентября, т. к. „Георгиевский, Брюховецкий, Тимошевский, Белореченский районы обмолотили только 50 проц. скошенной площади“.

О том, как работают коммунистические тракторы, узнаем из „К. З.“ от 25 сентября: „Простои машин, несвоевременный подвоз горючего и воды, отсутствие планов-нарядов в бригадах срывают план пахоты“.

26 сентября „М.“ приказывает: „Безоговорочно выполнить хлебный план!“ т. к. „за 20 дней сентября край выполнил меньше трети месячного плана хлебозаготовок“. Поэтому — работать „не меньше 20-ти часов в сутки!“

Плачется и „К. З.“ 27 сентября: „Годовой план хлебозаготовок не выполнен. 57 процентов — позорный итог оппортунистического самотека“.

В тот же день „М.“ предлагает: „Ночным обмолотом поднять вверх кривую!“

А 28 сентября „К. З.“ дает рецепт: „Дать колхозам и станицам обязательные задания по вывозу хлеба на элеваторы, гарантирующие безоговорочное выполнение и перевыполнение плана колосовых в течение двух пятидневок“.

Из „К. З.“ от 30 сентября узнаем о том, что „плenum райкома вкп (б) признает совершенно неудовлетворительным темпы выполнения плана хлебозаготовок по району, особенно по колосовым культурам“...

— Очевидно, что население наших Краев так обобрано уже оккупантами, что даже и тяжелый большевицкий пресс не может уже выдать больше. Играет тут роль и тот дух пассивного сопротивления, который на протяжении всего времени оккупации свидетельствует о том, что население К. З. не примирилось с московскими завоевателями.

Письмо с родныи.

Здравствуйте, дорогой брат Д. П., в строках сего письма моего спешу уведомить, что мы пока живы и здоровы, но жизнь наша не завидная, потому что работать некому, я стара, а Василиса калека, то мы оба без работы, а опоры у нас нет, кроме твоего сына, который не вырвется с гуртовой работы, мы его тики и бачим раз в неделю, когда явится переменить, а то и не знаем, где он.

А он так доносывся, шо осталась одна пара белья, та и та латка на латке, та верхни штаны, та и рубаха и бильше нима ничего, обуться ни во что, а купить ни за что, да и негде. Все не хватает, да и не за что купить, такое у него тяжелое положение, что и нас заставляет подумать, как он бедняга будет жить, ведь зимой и йисты схоче, но у него ничево не будет, ни во что обуться и одеться, придется на зиму залягать, як медведь в берлогу.

А затем немного сообщу за свою жизнь, что я теперь осталась одна в своей станице, у меня нет ни души из моих братьев. Мы только остались в двоих с Анютой, да и то в розницу, когда сойдемся, то поплачем за своим родом, что их разослали в разные стороны, а нас оставили на середине бушующего моря и без весла и правила, и просто сиди и жди жданного, что судьба для тебя наименовала. А затем сообщаю тебе адрес Г. (Следует адрес в Казакстан, в рудники).

Розыски.

Казаков, братьев Аржерусовых разыскивает Учур Давинович Алексеев. Лиц, знающих их адрес прошу сообщить по адресу: M-r Alexeef Ontchur cite Ceramique 41 à Paray-le-Monial (Set. L.) France.

От редакции.

Редакция „В. К.“ предупреждает, что, начиная с настоящего номера, бесплатная высылка журнала постепенно будет прекращена, за исключением случаев особо уважительных.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казачи!

Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.